

ПЛУТАРХ

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Плутарх

Жизнеописания

«Издательство АСТ»

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

Плутарх

Жизнеописания / Плутарх — «Издательство АСТ»,
— (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-146236-9

В сборник вошли избранные жизнеописания автора, задачей которого было максимально точно и корректно составить биографии легендарных деятелей прошлого вроде победителя Минотавра Тесея и основателя Рима Ромула, полубогородных властителей (как, например, Ликург и Нума Помпилий) и вполне исторических царей и императоров, политиков и военачальников, тиранов и тираноборцев. Под живым и ярким пером Плутарха перед читателем буквально оживают во всей полноте и неоднозначности своих характеров Александр Македонский и Гай Юлий Цезарь, кумир демократических Афин Перикл и страстный непоследовательный гедонист Алкивиад, любимец позднеереспубликанского Рима Помпей Великий и суровый стоик Цицерон, легкомысленный Марк Антоний и многие другие знаменитые баловни и пасынки судьбы Древней Греции и Рима, так или иначе оставившие заметный след в человеческой памяти. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-17-146236-9

© Плутарх
© Издательство АСТ

Содержание

Тесей и Ромул	6
Тесей	6
Ромул	21
[Сопоставление]	38
Ликург и Нума Помпилий	41
Ликург	41
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Плутарх Жизнеописания

* * *

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Тесей и Ромул

Тесей

I. УЧЕНЫЕ в области географии обозначают неизвестные им земли на самом краю карты, делая иногда надписи, что за ними – «безводные, кишашие зверями песчаные пустыни», или «непроходимые болота», или «холодная Скифия», не то «Ледовитое море». Так и я, покончив при составлении своих «Сравнительных жизнеописаний» с той эпохой, относительно которой имеются достоверные сведения, основанные на исторических изысканиях, вполне мог бы, Сосий Сенецион, сказать о более отдаленных временах, что «раньше их – страна чудес и вымыслов, раздолье для поэтов и мифографов; здесь нет ни действительности, ни правды». Однако, издав биографии законодателя Ликурга и царя Нумы, я счел не лишним вернуться к древней эпохе Ромула, ко времени деятельности которого я приблизился в своих исторических изысканиях. Когда я, выражаясь словами Эсхила, думал:

С подобным мужем выйдет кто на бой?
Кого послать мне? Кто сравнится силой с ним? —

я решил за лучшее сопоставить, сравнить основателя блестящих, знаменитых Афин с отцом непобедимого, прославленного Рима. Я желал бы, чтобы мое произведение, очищенное разумом от сказочного вымысла, приняло характер истории; но там, где вымысел упорно борется со здравым смыслом, не хочет слиться с истиной, я рассчитываю на снисходительность читателей, которые не отнесутся сурово к преданиям далекой старины...

II. МЕЖДУ Тесеем и Ромулом много общего – происхождение обоих темно, поэтому они считаются потомками богов:

Оба славнейшие воины: в том убедились все мы.

Вместе с тем физическую силу они соединяли с умом. Один из них основал Рим, другой создал Афины – знаменитейшие города в мире; оба похищали женщин; ни один не избежал несчастья в собственном доме и ненависти родственников, кроме того, оба они рассорились, говорят, перед смертью со своими согражданами, если только правдой в их жизни считать то, что всего менее носит на себе поэтическую окраску.

III. СО СТОРОНЫ отца, Тесей – потомок Эрехтея, первых туземных царей, по женской линии – Пелопа. Пелоп сделался сильнейшим из пелопоннесских царей благодаря как своему богатству, так и своим детям: он выдал многих из своих дочерей за самых уважаемых граждан, из сыновей же многих поставил царями в различных городах. Один из них, дед Тесея, Питфей, основал небольшой город Трезену. Он считался образованнейшим и умнейшим из всех своих современников. Тогда мудрость выражалась, вероятно, в том, представителем чего, идеалом, служит Гесиод, снискавший себе громкую известность своими «Трудами и днями», сборником нравственных изречений. Одно из них:

Другу всегда обеспечена будь договорная плата, —

он заимствовал, по рассказам, у Питфея. Так по крайней мере говорит и философ Аристотель. Какого мнения были о Питфее, видно из Еврипида, который называет Ипполита «питомцем благочестивого Питфея». Бездетный Эгей получил, говорят, от спрошенной им

пифии известный оракул, где ему запрещалось иметь сношения с женщинами до своего приезда в Афины. Прорицание казалось ему не вполне ясным, вследствие чего он отправился в Трезену и рассказал Питфею об оракуле, где говорилось:

Нижний конец бурдюка не развязывай, воин могучий,
Раньше, чем ты посетишь народ пределов афинских.

Питфей, очевидно, понял смысл слов оракула и с помощью убеждения или же обмана только заставил Эгея вступить в связь с Этрой. Разделив с ней любовь, последний узнал, что имел сношение с дочерью Питфея. Заметив ее беременность, он оставил свой меч и сандалии, скрыв их под большим камнем, имевшим углубление, достаточное для того, чтобы скрыть положенное туда; признался одной своей жене, приказав ей, когда родившийся у него сын достигнет совершеннолетия и будет в состоянии приподнять камень и взять то, что положено под ним, послать его с этим к отцу, но так, чтобы об этом никто не знал, с сохранением глубочайшей тайны, – он сильно боялся Паллантидов, своих врагов, пятидесяти сыновей Палланта, относившихся к нему с презрением за его бездетность, – и уехал.

IV. У ЭТРЫ родился сын, который немедленно получил имя Тесея, быть может по рассказам, потому что для него были «положены» под камнем знаки его происхождения или же потому, что Эгей впоследствии «усыновил» его в Афинах. Он воспитывался у Питфея; наставником и воспитателем его был Коннид, которому афиняне до сих пор еще приносят в жертву барана за день до праздника в честь Тесея. Они помнят о нем и чтут его несравненно с большим правом, нежели чтут Силаниона или Паррасия, рисовавших портреты Тесея и делавших его бюсты.

V. В ТО ВРЕМЯ существовал еще обычай – тем из мальчиков, которые достигли совершеннолетия, отправляться в Дельфы и посвящать свои волосы богу. Тесей пошел в Дельфы. Одно место, находящееся здесь и до сих пор еще известное под именем «тесей», получило, говорят, свое имя от него. Он остриг волосы только спереди, по примеру гомеровских абантов. Подобного рода стрижка называется в честь его «тесеевой». Обычай стричь волосы именно таким образом завели абанты, но заимствовали его не от арабов, как думают некоторые, и следовали в данном случае немисийцам – они были воинственным народом, сражавшимся лицом к лицу, умевшим превосходно драться с врагом врукопашную, о чем говорит Архилох:

То не пращи засвистят и не с луков бесчисленных стрелы
Вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет
Арес могучий: мечей многостопная грянет работа,
В бое подобном они опытни боле всего, —
Мужи – владыки Эвбеи, копейщики славные...

Таким образом, они стриглись для того, чтобы не давать неприятелю возможности схватывать их за волосы. Без сомнения, об этом знал и Александр Македонский, приказавший, говорят, своим полководцам сбрить македонянам бороды, за которые их можно было очень легко схватить в сражении.

VI. ЭТРА долго скрывала от Тесея его настоящее происхождение. Питфей распустил слух, будто она родила его от Посейдона: Посейдон пользуется у трезенцев особенным почитанием. Этот бог считается покровителем их города; они посвящают ему начатки плодов. На их монетах находится изображение трезубца.

Мальчиком Тесей отличался телесной силой, храбростью и умом, соединенным с сообразительностью, поэтому Этра подвела его однажды к камню, рассказала ему об его истинном происхождении и велела взять отцовские знаки и ехать морем в Афины. Он приподнял камень

и легко сдвинул его с места, но плыть морем отказался, хотя дорога была безопасней и хотя его просили об этом дед и мать: идти в Афины сухим путем было опасно, так как не было ни одного спокойного места, где не грозила бы опасность со стороны разбойников и убийц. В то время люди имели сильные руки, быстрые ноги и крепкое тело и не знали усталости, но свои природные дары не употребляли ни на что честное и полезное, напротив, они гордились своею не знавшею меры наглостью; их сила находила себе применение в кровожадности и жестокости – в том, что они брали, обижали и уничтожали *все* попадавшееся им по дороге. По их мнению, люди восторгались чувствами стыда, справедливости, беспристрастия и человечности потому, что боялись обижать сами и опасались обиды со стороны обиженного. Сильным, по их убеждению, не следовало думать ни о чем подобном. Геракл во время своих странствований убил, уничтожил одних из них, другие же в страхе скрылись при его приближении, бежали и были презираемы в своем унижении. Но когда Геракла постигло несчастье и он, убив Ифита, удалился в Лидию, где долго служил в качестве раба у Омфалы, добровольно наложив на себя наказание за совершенное им убийство, – в то время одна Лидия наслаждалась глубоким миром и безопасностью, Греция же снова стала местом преступлений, которые дали знать о себе, не встречая ни с чьей стороны отпора или сопротивления. Вот почему дорога сухим путем из Пелопоннеса в Афины была небезопасна. Питфей, описывая Тесею каждого из разбойников и рассказывая, как он поступает с чужестранцами, убеждал его ехать морем. Но Тесея, вероятно, давно воспламеняла слава подвигов Геракла. Он благоговел перед ним и с жадностью слушал рассказы о нем, в особенности тех, кто его видел, и был свидетелем его поступков, и слышал, что он говорил. Ясно, в то время Тесей находился совершенно в таком же настроении, в каком много позже находился Фемистокл, сказавший, что «лавры Мильтиада не дают ему спать». Точно так же и Тесей, завидуя подвигам Геракла, видел его деяния даже ночью, во время сна; но и днем в нем говорила ревность и возбуждала его душу на такие же подвиги.

VII. ИХ СВЯЗЫВАЛО и родство по крови – Этра была дочерью Питфея, Алкмена – Лисидики, Лисидика же и Питфей были братом и сестрою, детьми Гипподамии и Пелопа. Юноше казалось поэтому постыдным и позорным, что Геракл ходил, отыскивая всюду злодеев, очищая от них землю и море, между тем как он бежит от представляющегося ему случая показать свою доблесть; думая ехать морем, он позорил бы того, кого другие считали его отцом; он принес бы настоящему отцу знаки своего происхождения – сандалии и меч, – не обгащенными кровью, и не доказал бы вскоре подвигами и делами благородства своего происхождения... с такими мыслями, с такими планами он пустился в путь, дав себе слово не обижать никого и наказывать только нападающих.

VIII. ПРЕЖДЕ всего он встретил в области Эпидавра – Перифета, которому оружие заменяла дубина, вследствие чего его называли Дубиноносцем. Он схватил юношу и не давал ему идти вперед; тогда тот вступил с ним в борьбу и убил его. Дубина так понравилась ему, что он взял ее себе вместо оружия; она служила тем же, чем Гераклу львиная шкура. Последний носил ее в доказательство чудовищной величины убитого им зверя, Тесей же, нося дубину, как бы говорил, что он победил ее прежнего владельца, но ее нынешний владелец – непобедим.

На Истме он убил Сгибателя сосен, Синида, таким же образом, каким тот успел лишить жизни многих. Он не старался учиться у него этому способу, но доказал, что доблесть – выше всякого искусства и упражнения. У Синида была громадного роста красавица дочь, Перигуна. Когда отец ее был убит, она убежала. Тесей везде искал ее; но она убежала в густую чащу, поросшую стойбой и дикой спаржей, и вполне искренно, с детской простотой молила их – как будто они могли понимать ее! – спасти ее, спрятать, клятвой обещая никогда не ломать, не жечь их. Тогда Тесей стал знать ее, поклялся взять на свое попечение и не сделать ей никакого вреда – и она вышла. От Тесея она родила Меланиппа. Впоследствии Тесей выдал ее замуж за сына Эврита, эхалийского царя Дейонея. Меланипп, сын Тесея, был отцом Иокса, основавшего

вместе с Орнитом колонию в Карию. Вот почему мужчины и женщины рода Иоксидов, чья обычай дедов, не жгут ни терна, ни дикой спаржи, ни стойбы, напротив, чтут и берегут их.

IX. КРОММИОНСКИЙ кабан, иначе Фея, был опасным и злым зверем, с которым трудно справиться. Тесей напал на него и убил мимоходом, чтобы не заставить думать, что он делает все по необходимости; кроме того, он считал, что честный человек должен защищаться только от нападений негодяев, на зверей же он обязан нападать первым и вести с ними борьбу не на живот, а на смерть. По рассказам некоторых, Фея была кровожадной и безнравственной разбойницей, жившей в Кроммионе. Кабаном ее прозвали за ее нрав и образ жизни; позже ее убил Тесей.

X. НА ГРАНИЦЕ Мегариды он умертвил Скирона, сбросив его со скалы. По общераспространенному преданию, он грабил прохожих; но некоторые говорят, что он нагло и дерзко протягивал свои ноги и приказывал чужеземцам мыть их, затем, в то время как они их мыли, толкал их ногой и сбрасывал в море. Мегарские историки не соглашались с этим преданием, «борются», выражаясь словами Симонида, «с вековой стариною», – они говорят, что Скирон не был ни разбойником, ни злодеем, напротив, он уничтожал разбойников и был родственником и другом честных и справедливых людей. Эака греки глубоко уважают за его благочестие; царю саламинскому Кихрею воздают в Афинах почести; высоконравственные качества Пелея и Теламона известны каждому, между тем Скирон приходился Кихрею зятем, Эаку – тестем, Пелею и Теламону – дедом, так как последние были сыновьями Эидеиды, дочери Скирона и Хариклы. Каким же образом мог отъявленный негодяй сделаться родственником прекрасных во всех отношениях людей и меняться с ними тем, что всего выше и дороже? Тесей, говорят они, убил Скирона не тогда, когда в первый раз шел в Афины, а позже, когда отнял у мегарцев Элевсин, обманув начальника гарнизона Диокла. Вот сколько здесь противоречий!

XI. В ЭЛЕВСИНЕ Тесей убил аркадца Керкиона, немного далее он встретил в Герме Дамаста Растягателя, заставив его самого сравняться длиною с его кроватью, как он делал это с другими. В подобного рода случаях Тесей брал пример с Геракла, который наказывал своих врагов так же, как они хотели лишиться жизни его: Бусирида он принес в жертву, Антея победил в борьбе, Кикна одолел в поединке и Термера убил, разбив ему голову. Отсюда, говорят, и происходит поговорка «Термерово горе» – вероятно, Термер убивал попадавших ему навстречу, ударяя о них своей головою. Так наказывал злодеев и Тесей – каким мучениям подвергали они других, таким же мучениям подвергал он их; делая разного рода несправедливости, они терпели справедливое.

XII. ИДЯ ДАЛЬШЕ, он пришел к Кефису, где его встретили потомки Фитала, первые люди, радушно принявшие его. Он просил их очистить его от убийства, и они исполнили все требуемые законом очистительные обряды, принесли умиловительную жертву и угостили его у себя в доме обедом, между тем как до них никто во всю дорогу не оказал ему радушного приема.

Восьмого числа крония месяца, нынешнего гекагомбеона, он пришел, говорят, к месту назначения. Войдя в город, нашел, что среди граждан царствуют раздоры и несогласия; лично Эгей испытывал у себя дома одни неприятности. Дело в том, что бежавшая из Коринфа Медея обещала Эгею вылечить его своими снадобьями от бездетности и жила с ним. Зная заранее о предстоящем приходе Тесея, она убедила ничего не подозревавшего старого, во всем видевшего угрозу мятежа Эгея отравить гостя за столом. Сев завтракать, Тесей не счел нужным объявить первым, кто он, – он хотел предоставить отцу узнать его. Когда ему подали мясо, он вынул нож, чтобы разрезать его, и показал нож отцу. Едва Эгей узнал его, он бросил кубок с ядом, задал сыну несколько вопросов, обнял его, созвал Народное собрание и представил гражданам, восторженно принявшим его за его геройство. Говорят, место, где вылился яд из брошенного кубка, находится теперь в храме Аполлона-Дельфиния и обнесено решеткой. Здесь

стоял дворец Эгея; изображение Гермеса, на восточной стороне храма, называется «Гермесом у Эгеевых ворот».

XIII. СЫНОВЬЯ Палланта надеялись сначала, что по смерти бездетного Эгея престол перейдет к ним. Но, когда наследником объявлен был Тесей, они сочли себя оскорбленными, так как мало того что сам Эгей был приемным сыном Пандиона и не имел ничего общего с потомством Эрехтея, наследником престола сделался Тесей, также пришелец и иностранец, – и взялись за оружие. Они разделились на два отряда: одни из них двинулись под предводительством отца из Сфетта прямо на столицу, другие спрятались в засаде у Гаргета с целью напасть на противников с двух сторон. С ними был уроженец Агнунта глашатай Леой. Он открыл Тесею замыслы сыновей Палланта. Тот неожиданно напал на засевших в засаду и истребил их всех. Другие, бывшие с Паллантом, разбежались, когда узнали о случившемся. Вот почему, говорят, палленский дем не роднится с гражданами агнунтского дема; точно так же в первом из них глашатай не созывает народ обычным криком «Слушай, народ!» – они ненавидят это слово, напоминающее им об измене.

XIV. ЧТОБЫ не сидеть без дела и в то же время снискать любовь народа, Тесей отправился против марафонского быка, причинявшего в то время немало вреда жителям Четырехградия. Он одолел его, провел живьем по городу на виду у всех и, наконец, принес в жертву Аполлону-Дельфинию. Предание о Гекале, радушно принявшей и угостившей Тесея, имеет, вероятно, долю правды, – по крайней мере соседние между собой демы приносят общую жертву Зевсу Гекале, причем чтут Гекалу, называя ее уменьшительным именем, Гекалиной, за то, что она радушно приняла совсем еще юного Тесея, ласкала его по-старушечьи и называла из любви к нему уменьшительными именами. Когда он шел в бой, она дала обет принести за него жертву, если он вернется живым, но умерла до его возвращения. В награду за ее гостеприимство Тесей, по рассказу историка Филохора, приказал оказывать ей почести, о которых сказано выше.

XV. ВСКОРЕ с Крита в третий раз приехали послы. Мстя за смерть Андрогее, изменнически, как думали, убитого в Аттике, Минос объявил ей войну и наносил населению огромный вред. Наслали на страну бедствие и боги – настал голод, свирепствовали поваральные болезни. Оракул объявил афинянам, чтобы они дали Миносу удовлетворение и заключили с ним мир, причем говорил, что царь перестанет сердиться на них и их бедствиям наступит конец, вследствие чего они отправили к нему посла и заключили мир, с условием посылать каждые девять лет в дань семь мальчиков и столько же девушек, с чем согласно большинство историков. Если верить преданию, любимому трагиками, детей по приезде их на Крит съедал в лабиринте Минотавр или же они бродили там и, не находя выхода, погибали. Еврипид говорит, что Минотавр был:

Пород смешенье двух, чудовищный урод, —

или:

Он вполовину бык и вполовину муж.

XVI. ФИЛОХОР говорит, что критяне не согласны с этим преданием. По их словам, лабиринт был тюрьмой, в которой страшного было только то, что заключенные не могли убежать из нее. Минос устроил в память Андрогее гимнастические игры, где раздавал в награду победителям детей, содержавшихся до этого в лабиринте. На одних из первых игр одержал победу пользовавшийся тогда огромным влиянием у царя его полководец Тавр, человек суровый и неприветливый, который обращался гордо и жестоко и с афинскими детьми. Даже Аристотель, описывая государственное устройство боттийского округа, очевидно, не верит, чтобы

Минос убивал детей, но думает, что они до старости жили на Крите в качестве рабов. Когда однажды критяне, исполняя давно данный ими обет, отправили в Дельфы своих первенцев, в числе посланных, говорят они, находились и потомки афинян. Они не могли достать здесь себе средства к существованию, поэтому отправились сперва в Италию, где и поселились в Апулии. Отсюда они снова переселились – во Фракию и стали называться боттийцами. Вот почему боттийские девушки, принося некоторые жертвы, припевают: «пойдемте в Афины».

Из этого примера видно, как опасно навлечь на себя ненависть города, у которого есть прозаики и поэты. На афинских сценах о Миносе отзываются всегда дурно, бранят его. Напрасно Гесиод называет его «идеалом царей» или Гомер – «советником Зевса», – трагики одержали верх и с театральных подмостков всюду распространили о нем дурную славу как о человеке суровом и грубом. И тот же Минос считается царем-законодателем, а Радамант – судьей и стражем составленных Миносом законов!

XVII. КОГДА настало время в третий раз платить дань, когда отцы семейств, имевшие сыновей, должны были кидать жребий, ненависть граждан против Эгея вспыхнула снова. Они плакали и негодовали, что один он, виновный во всем, остается безнаказанным и, назначив своим наследником незаконнорожденного сына, иностранца, заставляет их сиротеть, лишаться законных сыновей. Тяжело было слушать это Тесею. Он решил, что ему нельзя оставаться безучастным, напротив, он должен делить горе своих сограждан. Он явился и сказал, что готов ехать, не вынимая жребия. Все были удивлены его благородной решимостью и полюбили его за преданность народу. Эгей просил и умолял его не ехать; но, видя, что он непреклонен и не желает отказываться от своего решения, велел метать жребий другим детям. Гелланик же говорит, что граждане посылали мальчиков или девушек вовсе не по жребию, но что Минос сам приезжал и выбирал их и что, согласно условию договора, он выбрал Тесея предпочтительно перед всеми; что, по договору, афинянам следовало также дать ему корабль, дети должны были сесть с ним на корабль, но не брать с собой оружия и что уплата дани должна была прекратиться со смертью Минотавра!

До сих пор для детей не было никакой надежды на спасение, поэтому афиняне посылали корабль с черными парусами в знак ожидаемого несчастья; но теперь Тесей успел ободрить отца, внушил ему надежду, что он убьет Минотавра, и царь велел дать кормчему и белый парус, приказав ему поднять его на возвратном пути, если Тесей останется жив, или же, в случае несчастья, – плыть с черным. Симонид говорит, что Эгей дал не белый парус, а темно-красный, «выкрашенный соком цветов ветвистого красного дуба», и что это должно было служить знаком спасения. По Симониду, кормчим корабля был сын Амарсия, Ферекл. Филохор же говорит, что Тесей взял от Скира кормчим саламинца Навситоя, помощником кормчего – Феака, так как в то время афиняне мало занимались мореплаванием. Между молодыми людьми мы встречаем и Менеста, племянника Скира. Справедливость этого подтверждается храмами героев Навситоя и Феака, построенными Тесеем в Фалере, возле храма Скира, и установленным в честь их праздником «Кибернесий».

XVIII. КОГДА метание жребия кончилось, Тесей вывел из пританея всех, кому достался жребий, вошел с ними в храм Аполлона-Дельфиния и посвятил за них Аполлону просительную ветвь. То была обвитая белой шерстью ветвь священной маслины. После молитвы он взошел, шестого мунихиона, на корабль – день, в который до сих пор еще девушек посылают молиться в храм. Говорят, дельфийский оракул дал ему совет взять в путеводительницы Афродиту, пригласить ее быть его спутницей, и что, когда он приносил на морском берегу в жертву козу, она внезапно превратилась в козла, отсюда прозвище богини – Козлиная.

XIX. ЛИШЬ только он приехал на Крит, в него влюбилась – в чем согласны все прозаики и поэты – Ариадна, дала ему нить и научила его, как ему выбраться из извилистого лабиринта, после чего он убил Минотавра и отплыл с Ариадной и молодыми людьми. Ферекид говорит, что Тесей пробуравил дно критских кораблей, чтобы лишить их возможности гнаться за ними. По

рассказу же Демона, он убил полководца Миноса, Тавра, который напал с флотом в гавани на Тесея, когда последний готовился сняться с якоря. По словам историка Филохора, когда Минос устроил игры, для всех было ясно, что победителем останется опять Тавр, вследствие чего его возненавидели, – его влиянием тяготились из-за его характера; кроме того, его подозревали в связи с Пасифаей. Вот почему Минос согласился на просьбу Тесея вступить в состязание с Тавром.

На Крите в числе зрителей игр обычай позволяет находиться и женщинам, вследствие чего на них присутствовала и Ариадна, которая была очарована наружностью Тесея и пришла в восторг, когда он оказался сильнее всех. Минос обрадовался больше всего тому, что побежден был в борьбе и поднят на смех Тавр, поэтому он отдал Тесею молодых людей и освободил его город от дани. Клидем рассказывает об этом подробно, но совершенно иначе, и начинает с более раннего времени. У греков, говорит он, установился обычай, что экипаж каждой триеры должен состоять во время плавания отнюдь не более как из пяти человек; исключение было сделано для одного Ясона, капитана «Арго», преследовавшего пиратов. Когда Дедал бежал на корабле в Афины, Минос, вопреки установившемуся обычаю пустившийся за ним в погоню на своих военных кораблях, был занесен бурей к берегам Сицилии, где и умер. Сын его, Девкалион, рассердившись на афинян, отправил послов с требованием выдачи Дедала, грозя в случае отказа убить молодых людей, данных в заложники Миносу. Тесей с достоинством отвечал ему, что он не может выдать Дедала, своего родственника, и притом родственника по крови, так как мать его, Меропа, была дочерью Эрехтея; сам между тем приказал строить корабли, частью в своих владениях, в тиметском деме, вдали от дорог, шедших в чужие владения, частью у Питфея в Трезене, желая скрыть свои намерения. Когда все было готово, он отплыл на Крит, взяв в качестве проводников Дедала и других критских беглецов. Для всех это было тайной. Критяне думали, что приближается дружественный корабль. Тесей, овладев гаванью, сделал высадку и неожиданно появился под стенами Кносса. Он выиграл сражение перед воротами лабиринта, убил Девкалиона вместе с его свитой, завязал с вступившей на престол Ариадной переговоры, получил, по условию, обратно молодых людей и, кроме того, заключил мир между афинянами и критянами, причем обе стороны клялись не начинать войны.

XX. ОТНОСИТЕЛЬНО этого, точно так же как и об Ариадне, существует множество ничего общего не имеющих между собою преданий. Одни говорят, что девушка, брошенная Тесеем, повесилась, другие, что матросы высадили ее на Наксосе, где она вышла замуж за жреца Диониса, Энара, потому что Тесей изменил ей, полюбив другую.

Страсть пожирала его к Панопеевой дочери Эгле.

По словам мегарца Герая, Писистрат приказал выпустить этот стих из Гесиода, как, с другой стороны, велел, из желания польстить афинянам, внести в «Закливание мертвых» Гомера стих:

Славных, богами рожденных, – Тесея царя, Пирифоя.

Некоторые рассказывают, что Ариадна родила Тесею Энопиона и Стафила, о которых упоминает, впрочем, и хиосец Ион, говоря о своем родном городе:

Энопион Тесеид град этот встарь основал.

Самое благоприятное для Тесея предание известно каждому. Впрочем, аматунтец Пеон приводит относительно этого ничего общего не имеющее с другими сказание. Когда Тесей, говорит он, был занесен бурей к берегам Кипра, он высадил на берег беременную, дурно себя

чувствовавшую вследствие качки и больную Ариадну и оставил ее одну на берегу, сам же снова выехал в море на помощь кораблю. Тамошние женщины ласково встретили Ариадну, утешали ее в унылом одиночестве, приносили ей мнимые письма от Тесея, помогали ей, ухаживали за ней во время ее беременности и, когда она умерла, не разрешившись от бремени, похоронили ее. Когда Тесей вернулся, он, убитый горем, дал туземцам деньги с условием, чтобы они приносили Ариадне жертвы, и поставил в память ее две крошечные статуэтки – серебряную и медную.

Второго горпиея, в день жертвы, один молодой человек ложится на постель и подражает стонам и движениям мучающейся родами женщины. Рошу, где показывают ее гробницу, ама-тунтцы зовут рошей Афродиты-Ариадны.

Некоторые наксосские историки придерживаются также особого предания.

По их рассказам, было два Миноса и две Ариадны. Одна из них вышла замуж на Наксосу за Диониса и была родоначальницей фамилии Стафила, младшая была похищена Тесеем и, покинутая им, приехала на Наксос вместе со своей кормилицей, Коркиной, гробницу которой показывают до сих пор. Ариадна умерла также здесь; но оказываемые ей почести не имеют по своему характеру ничего общего с почестями, оказываемыми первой: праздник в честь первой носит веселый, шуточный характер, жертвы в честь второй проходят в грустном, смешанном с унынием настроении.

XXI. НА ВОЗВРАТНОМ пути из Крита Тесей пристал к Делосу. Принесши богу жертву и посвятив ему статую Афродиты, полученную им от Ариадны, он устроил вместе с молодыми людьми танец, который и в настоящее время исполняется на Делосе, танец, где в ритме делались запутанные фигуры, затем участвующие становились в обыкновенном порядке, в подражание запутанным ходам и извилинам лабиринта. По словам историка Дикеарха, делосцы называют этот танец «журавлем». Тесей исполнил его вокруг Рогового алтаря, сложенного исключительно из левых рогов животных. Ему же приписывают учреждение на Делосе гимнастических состязаний, причем он первым дал тогда победителям пальмовую ветвь.

Подъезжая к Аттике, он забыл на радостях, забыл и его кормчий переменить паруса, чтобы дать знать Эгею об их спасении. В отчаянии царь бросился со скалы и погиб. Приехав, сам Тесей занялся в Фалере приготовлениями к жертве, которую он при своем отъезде дал обет принести богам, в город же отправил глашатая объявить о своем спасении.

XXII. ГЛАШАТАЙ встретил многих граждан, оплакивавших смерть царя, и в то же время таких, которые приняли его с радостью и готовы были надеть на него венок в благодарность за добрую весть. Он взял венок, украсил им свой жезл и вернулся на берег моря, но стал поодаль, не желая нарушать жертвенного обряда, так как Тесей еще не кончил жертвоприношения. Когда жертва была принесена, он сообщил Тесею о смерти Эгея. Тесей с печальными криками шумно поспешил к городу вместе с товарищами. Вот почему до сих пор еще, в праздник Осхофорий, венки надевают не на глашатая, а на его жезл, и присутствующие при жертвоприношениях кричат: «элэлей!» и «увы! увы!». Первый крик – его издают обыкновенно те, кто спешит, – крик победы, второй – знак ужаса и смущения.

Похоронив отца, Тесей седьмого пианепсиона исполнил обет, данный им Аполлону, – в этот день он с товарищами вступил в город после своего спасения. Обычай варить при этом овощи объясняется тем, что они после своего спасения собрали вместе остатки съестных припасов, сварили в одном горшке и съели их за одним обедом. Иресиону же, ветвь маслины, обвитую, как и просительная ветвь, шерстью, выносят увешанной начатками различного рода полевых плодов в воспоминание прекратившегося голода, причем поют:

Иресиона, даруй нам фиги и хлеб в изобилие,
Дай нам меда вкусить, натереться оливковым маслом,
Чистого дай нам вина, чтоб сладко уснуть, опьянившись.

Некоторые говорят, впрочем, что эти обряды учреждены в память Гераклидов, которых содержали таким образом афиняне. Большинство же держится названного выше объяснения.

XXIII. КОРАБЛЬ, на котором отплыл Тесей с молодыми людьми и счастливо вернулся, был тридцативесельным. Афиняне берегли его до времен Деметрия Фалерского, причем отрывали старые доски и заменяли их другими, крепкими, вследствие чего даже философы, рассуждая об увеличении размеров существующего в природе, спорили, приводя в пример этот корабль, – одни говорили, что он остается тем же, чем был раньше, другие – что его более не существует. Точно так же и справляемый ими праздник Осхофорий установлен Тесеем. Он не взял с собою всех вынудивших тогда жребий девушек, но выбрал из числа своих товарищей двух молодых людей женственной, нежной наружности, но мужественных душою и решительных, велел им брать теплые ванны, жить беззаботно, употреблять втиранья и масла для волос и для придания нежности и здорового цвета коже, изменил, насколько мог, их внешность, научил, как им точнее подражать женскому голосу, манерам и походке, не быть никем узванными, и посадил между девушек, не возбудив ни в ком подозрения. По приезде он сам шел в торжественной процессии вместе с молодыми людьми, одетыми так, как одеваются теперь те, кто носит виноградные ветви. Они носят их, по преданию, в честь Диониса и Ариадны или, вернее, потому, что их возвращение совпало со временем сбора плодов. Здесь принимают участие и «дипнофоры», присутствующие также и при жертвоприношении, изображая собой матерей вынудившей жребий молодежи. Они бегают вокруг нее, принося ей мясо и другую пищу. Они рассказывают и сказки, как рассказывали своим детям сказки и те матери, – утешая и ободряя их. Об этом говорит и историк Демон. Тесею был отведен для жертвы особый участок земли. Он приказал тем семействам, которые должны были давать дань, делать ему взнос на расходы по жертвоприношению. Приносить жертву лежало на обязанности Фиталидов, в знак признательности за радушный прием ими Тесея.

XXIV. ПОСЛЕ смерти Эгея он задумал великое, прекрасное дело и соединил аттические общины в один город. Он образовал один город и один народ, между тем как раньше последний был рассеян и только с трудом мог быть собран для совещания об общем благе. Иногда среди него вспыхивали ссоры и кровавые распри. Тесей являлся с советом в каждый дем и в каждый род. Не занимавшие никаких должностей и бедные граждане охотно слушали его, аристократам же он предлагал учредить демократическую республику, лишь бы ему дали начальство над войсками и право блюсти законы; во всем остальном он не желал иметь никаких преимуществ. Одних он убедил, другие же предпочли согласиться добровольно, нежели быть принужденными, так как они боялись его уже сильной власти и смелого характера. Тогда он уничтожил отдельные пританеи, Советы и власти, построил один пританей, общий для всех, и здание Совета на месте нынешнего старого города, назвал город Афинами и учредил общий жертвенный праздник – Панафинеи. Кроме того, он установил праздник Метекий с жертвами, приносимыми до сих пор еще шестнадцатого гекатомбеона.

Сложив с себя, по условию, царскую власть, он решил придать государству устройство, советуясь с оракулом. Дельфийский оракул прислал ему следующий ответ на вопрос его о судьбе города:

Отпрыск Эгея, Тесей, Питфеевой дочери чадо!
Многих чужих городов и земель пределы и жребий
Городу вашему сам мой отец вручил и доверил.
Но не страшись чрезмерно и дух свой печалью не мучай;
Будешь, как легкий бурдюк, по морской ты плавать пучине.

Точно так же и сивилла отвечала, позже, на вопрос о судьбе города, что

Вглубь, как бурдюк, погрузишься – тонуть же судьба не позволит.

XXV. ЖЕЛАЯ еще более увеличить население города, Тесей приглашал селиться в нем всех на равных правах. Крик «Сюда, все народы!» приписывают Тесею, желавшему учредить всеобщую республику. Но он не хотел, чтобы его народ представлял беспорядочную, бесформенную, стекшуюся со всех сторон нестройную толпу, поэтому он первым разделил его на сословия благородных, землевладельцев и ремесленников. Благородным он поручил заведование религиозными обрядами, высшие правительственные места, сделал их блюстителями законов и толкователями тайн божеских и человеческих; но в остальном права их были те же, что и других граждан, – благородные имели преимущество в том, что им оказывалось больше почета, землевладельцы были полезнее других; ремесленники – многочисленнее. Что он первым принял сторону народа, об этом говорит Аристотель; в доказательство того, что он отменил единовластие, мы можем, кажется, сослаться и на Гомера, который в списке судов флота одних афинян зовет свободным народом.

Тесей бил также монету с изображением быка, быть может, марафонского быка, или же по сходству его названия с именем полководца Миноса, или же из желания приучить народ к земледелию. Ему же, говорят, обязаны своим происхождением выражения «стоимостью в сто быков или в десять быков». Он присоединил Мегариду к Аттике и поставил на Истме знаменитый столб, приказав написать в двух шестистопных ямбах обозначение границ. На восточной стороне стояло: «Не здесь Пелопоннес, здесь Ионийский край», на западной: «Вот где Пелопоннес, – Иония не здесь». Он первым учредил там гимнастические игры по примеру Геракла. Как Геракл учредил Олимпийские игры в честь Зевса, так Тесей велел праздновать грекам Истмийские в честь Посейдона. Игры, происходившие там ночью в честь Меликерта, носили, скорей, религиозный характер, нежели были публичным зрелищем и народным праздником. Некоторые утверждают, что Тесей учредил Истмийские игры в память Скирона, желая очиститься в убийстве своего родственника: Скирон был сыном Канета и дочери Питфея, Гениохи. Другие говорят, что Тесей установил игры в память Синида, а не Скирона. Он приказал раз и навсегда, чтобы на Истмийских играх коринфяне давали приезжим афинянам почетные места на таком пространстве, какое займет разложенный на земле парус «священного корабля». Так, по крайней мере, передают историки Гелланик и галикарнассец Андрон.

XXVI. ЗАТЕМ, как рассказывает Филохор и некоторые другие, Тесей уехал в Эвксинский Понт – в поход на амазонок, вместе с Гераклом, и получил в награду за храбрость Антиопу. Но большинство, между прочим Ферекид, Гелланик и Геродор, говорит, что Тесей уехал позже Геракла на своем собственном корабле и взял амазонку в плен, что имеет за собой больше вероятия: никто другой не передает, чтобы кто-либо из его товарищей по походу взял в плен амазонку. Бион рассказывает, что он взял ее обманом и увез. Дело в том, что амазонки в действительности любят мужчин и не думали бежать, когда Тесей кинул якорь в виду берега, напротив, прислали ему подарки. Он пригласил принесшую их взойти на корабль и, когда она взошла, снялся с якоря. Менекрат, историк вифинского города Никеи, пишет, что Тесей жил там с амазонкой и что вместе с ним отправились в поход три молодых афинянина, родные брата: Эвней, Тоант и Солоент. Последний влюбился в Антиопу, но, скрывая свою страсть от других, сказал о ней одному из своих товарищей. Тот передал о случившемся Антиопе, которая отвечала на предложение решительным отказом, но тем не менее поступила умно, вела себя спокойно и не пожаловалась Тесею. Солоент в отчаянии бросился в реку и погиб. Узнав причину страданий молодого человека, Тесей был глубоко опечален и в своем горе вспомнил о данном ему оракуле. Дельфийская пифия велела ему, если им в чужой земле овладеет лютая скорбь, жгучая печаль, построить на том месте город и назначить его начальником кого-либо из окружающих. Вследствие этого Тесей назвал основанный им город в честь жрицы Пифопо-

лем, соседнюю реку в честь молодого человека – Солоентом. Властями и блюстителями законов он оставил в нем его братьев и афинянина Герма, из благородного сословия. Вот почему пифополитанцы зовут одно место «домом Гермеса», а не «домом Герма», ошибочно прибавляя лишний слог, и неправильно приписывают богу честь, которую следует приписать герою.

XXVII. ПОХИЩЕНИЕ амазонки привело к войне с амазонками, войне опасной, хотя и с женщинами: если бы они не завладели страной и не дошли, не встречая нигде сопротивления, до города, они не расположились бы лагерем в самой столице и не дали бы сражения в виду Пникса и холма Мусея. Словам историка Гелланика, что они перешли Босфор Киммерийский по льду, трудно верить; но что они стояли лагерем в самом городе, можно судить по названиям мест и могилам убитых. Обе стороны долго медлили, не решались начинать сражения. Наконец, Тесея, принеся, следуя оракулу, жертву Страху, напал на неприятелей. Битва произошла в боэдромионе месяце, в тот день, в который афиняне до сих пор еще празднуют Боэдромии.

Историк Клидем, описывающий все это подробно, говорит, что левое крыло амазонок стояло против нынешнего Амазония, правое – со стороны Хрисы, против Пникса. В сражении афиняне напали на это крыло амазонок со стороны Мусея. Могилы убитых находятся вблизи улицы, которая ведет к нынешним Пирейским воротам, к храму героя Халкодонта. Афиняне принуждены были отступить перед женщинами, которые гнали их до храма Эвменид, но афиняне, напавшие на них со стороны Палладия, Ардетта и Ликея, преследовали их правое крыло вплоть до лагеря и многих из них убили. Благодаря посредничеству Ипполиты – жене Тесея историк называет не Антиопой, а Ипполитой – был заключен мир. Но, по словам некоторых, она умерла, сражаясь на стороне Тесея, пораженная копьем Молпияды, причем в честь ее была поставлена колонна возле храма Геи Олимпийской. Нет ничего удивительного, если рассказы о таких отдаленных событиях страдают отсутствием исторической правды; если, например, говорят, что Антиопа отправила тайком раненых амазонок для лечения ран в Халкиду и что некоторые из них похоронены вблизи нынешнего Амазония. О том, однако, что война кончилась миром, ясно из названия места возле храма Тесея, места, которое называется Горкомосием, или из того, что здесь издревле приносилась жертва амазонкам перед праздником в честь Тесея. Могилы амазонок показывают у себя и мегарцы – по дороге из рынка к Русу, там, где стоит здание, имеющее вид ромба. По преданию, некоторые из них умерли также в Херонее и похоронены возле ручейка, теперь называющегося Гемонем, прежде, если не ошибаюсь, – Териодонтом. Об этом я говорю в жизнеописании Демосфена. Очевидно, амазонки прошли не без потерь и через Фессалию: могилы их до сих пор еще показывают вблизи Скотуссы и Киноскефал.

XXVIII. ВОТ ЧТО я считал нужным сказать об амазонках. Автор поэмы «Тесеида» рассказывает, что амазонки восстали потому, что Антиопа хотела отомстить Тесею за брак его с Федрой: что ей подали помощь бывшие с ней амазонки и что Геракл перебил их, – но это, без сомнения, сказки, произведение вымысла. Тесея женился на Федре после смерти Антиопы, имел от Антиопы сына – Ипполита, или, по Пиндару, – Демофонта. Относительно несчастной судьбы его второй жены и сына, ввиду полного сходства рассказов о ней историков и трагиков, следует верить принятым всеми ими преданиям.

XXIX. НАМ ГОВОРЯТ и о других любовных похождениях Тесея; но тема эта не разрабатывалась на сцене. Связь его имела дурное начало и несчастный конец. Говорят, он похитил трезенку Анаксо; убив Синида и Керкиона, изнасиловал их дочерей; был в связи с матерью Аякса, Перибеей, затем – с Феребеей и, наконец, с дочерью Ификла, Иопой. Он бросил Ариадну, влюбившись, как я уже говорил, в дочь Панопея, Эглу, – грязный, безнравственный поступок в глазах других. Но более всего порицают Тесея за похищение Елены, вследствие чего Аттика испытала бедствия войны, сам же он принужден был бежать и потерял жизнь. Об этом речь впереди.

В то время герои ознаменовывали себя многими подвигами; но Геродор говорит, что Тесею принимал участие только в битве лапифов с кентаврами, хотя другие рассказывают, что он участвовал с Ясоном в походе на Колхиду и с Мелеагром в охоте на кабана, чем и объясняют пословицу: «Не без Тесея». Но сам он, без всякой помощи, совершил много громких подвигов, почему и заслужил прозвище второго Геракла. Он помог затем Адрасту получить и похоронить трупы павших под стенами Фив – не победив фиванцев в сражении, как говорит в своей трагедии Еврипид, а с помощью переговоров, в силу перемирия, с чем согласно большинство. Филохор говорит даже, что здесь первый раз было заключено перемирие относительно выдачи и погребения трупов убитых; но первым выдал неприятелям тела их убитых Геракл, о чем я говорил в его жизнеописании. В Элевтерах показывают могилы многих простых воинов, вблизи Элевсина – полководцев, любезность, оказанная Адрасту Тесею. Об этом говорит Тесею и в «Элевсинцах» Эсхила, пьесе, где последний рассказывает о событиях иначе, нежели Еврипид в своих «Просительницах».

XXX. ДРУГОМ Пирифоя Тесею сделался, говорят, следующим образом. Рассказы о его силе и замечательной храбрости знали все. Пирифой захотел испытать их, убедиться в них опытом. Он угнал из Марафона быков Тесею и, узнав, что он гонится за ним вооруженный, не убежал, но повернул ему навстречу. Взглянув друг на друга, они были очарованы каждый красотой другого, пришли в восторг от смелости противника и не начали боя. Пирифой первым протянул руку и просил Тесею быть его судьей относительно кражи им его быков, обещая уплатить штраф, какой он ему наложит. Тесею простил его и предложил ему быть его другом и союзником. Свою дружбу они скрепили клятвой. Когда затем Пирифой стал готовиться к свадьбе с Деидамией, он пригласил Тесею приехать к нему – посмотреть его владения и погостить у лапифов. На свадебный пир он пригласил и кентавров. Когда они стали вести себя нагло и приставать к женщинам, лапифы приняли последних под свою защиту. Одних из кентавров они убили, других победили на войне и выгнали потом из их владений, причем в походе принимал участие и их союзник, Тесею. Геродор рассказывает об этом иначе: Тесею пришел на помощь лапифам тогда, когда война уже началась; в то время он в первый раз увидел Геракла, причем считал за честь, что встретился с ним в Трахине, где тот отдыхал после своих скитаний и подвигов. При встрече они выказали один другому чувства уважения и дружбы, каждый осыпал другого похвалами. Тем не менее скорей можно верить тем, кто рассказывает, что они не раз виделись раньше; что Геракл был посвящен в таинства мистерий благодаря стараниям Тесею и что раньше посвящения он был очищен, по его желанию, от некоторых тяготевших над ним невольных преступлений.

XXXI. ТЕСЕЮ, по словам Гелланика, было уже пятьдесят лет, когда он похитил Елену, слишком молодую для него. Чтобы защитить его от обвинения в величайшем из его преступлений, некоторые рассказывают, будто Елену похитил не он – похитили ее Идас и Линкей – и что он только получил ее с условием стеречь и отказать Диоскурам в ее выдаче. Мало того, они говорят, будто ее отдал ему Тиндарей из страха перед сыном Гиппокоонта, Энарсфором, который хотел увезти Елену, когда она была еще ребенком. Но самый вероятный рассказ, подтверждаемый многочисленными писателями, состоит в следующем. Оба друга приехали в Спарту, похитили девушку, когда она плясала в храме Артемиды-Ортии, и бежали. Посланные преследовать их не гнались за ними дальше Тегеи. Очутившись в безопасности и придя в Пелопоннес, похитители условились, что тот, кому по жребию достанется Елена, должен помочь товарищу добыть жену. Когда, по условию, они бросили жребий и она досталась Тесею, он взял девушку, которой еще рано было выходить замуж, отвез ее в Афины, оставил при ней свою мать и поручил ее своему другу, приказав беречь ее и не показывать никому, сам же, желая отплатить Пирифую услугой за услугу, уехал с ним в Эпир за дочерью царя молосского, Аидонея, который назвал свою жену Персефой, дочь – Корой, собаку – Кербером. Каждый из женихов обязан был драться с собакой. Победитель мог получить руку девушки. Узнав, однако, что

Пирифой с товарищем приехали не как женихи, а как воры, царь тотчас же затравил Пирифоя своей собакой, Тесея заключил под крепкую стражу.

XXXII. В ЭТО ВРЕМЯ Менестей, сын Петеоя, внук Орнея и правнук Эрехтея, начал, говорят, первый льстить народу и заискивать у афинской черни. Он вооружал, возмущал аристократов, давно озлобленных против Тесея, считавших его похитителем той царской власти, которую имел в своем деме каждый из знатных людей, соединившего всех в один город для того, чтобы «всех их сделать своими подданными и рабами». Чернь он возбуждал и волновал, указывая на то, что она видит только тень свободы, в действительности же лишена отечества и права совершать религиозные обряды и, вместо того, чтобы повиноваться многим добрым и законным царям, избрала своим владыкой одного пришлеца и чужеземца. Его мятежным замыслам много помогло вооруженное нападение сыновей Тиндарея. Говорят даже, что они явились исключительно по его просьбе. Сперва они никого не трогали и только требовали выдачи сестры; но, когда граждане отвечали, что ее нет у них и что они не знают, где она находится, они начали войну. Академу удалось каким-то образом узнать ее тайное пребывание в Афиднах, и он сказал об этом ее братьям, вследствие чего Тиндаридаи воздавали ему почести еще при его жизни, спартанцы же при своих неоднократных вторжениях в пределы Аттики, опустошая всю страну, не трогали Академии из уважения к памяти Академа. Дикеарх говорит, что тогда вместе с Тиндаридами участвовали в походе два аркадца, Эхедем и Мараф. От имени первого произошло нынешнее название Академии, об имени второго напоминает дем Марафон, потому что перед сражением Мараф добровольно заколол себя вследствие полученного им оракула.

Подступив к Афиднам, Тиндаридаи одержали победу и взяли город. Здесь, говорят, пал между прочими товарищ Диоскуров в том походе – сын Скирона, Галик, имя которого носит одно место в Мегариде, так как там находится его могила. Историк Герей рассказывает, что он пал под стенами Афидн от руки самого Тесея, и в подтверждение своих слов приводит следующие стихи о Галике:

...на широкой равнине Афидны
Храбро сражаясь за честь пышнокудрой Елены, повержен
Был он Тесеем...

XXXIII. НО ЕДВА ли были бы взяты Афидны и уведена в плен мать Тесея, если бы он сам присутствовал при этом.

Взятие Афидн привело в ужас население столицы. Менестей убедил народ впустить Тиндаридаи в город и оказать им дружеский прием, так как они ведут войну единственно с Тесеем, который первым оскорбил их, другим же делают добро и спасают их. Тиндаридаи оправдывали его отзыв о них: из своих завоеваний они не оставили себе ничего, хотя все принадлежало им, и просили только посвятить их в таинства, так как они имели с городом общего не менее, чем Геракл. Просьба их была исполнена: Афидн усыновил их, как Пилий Геракла. Им оказали божеские почести и назвали «знаками», или потому, что они заключили перемирие, или потому, что приложили все старания, чтобы находившееся в городе громадное войско никого не обидело: «анакос эхэйн» значит по-гречески заботиться или беречь кого-либо. Быть может, здесь надо искать происхождение слова «анакс», титула царей. Некоторые говорят, что слово «знаки» намекает на явление на небе звезд: в Аттике говорят «анекас» – «вверху» и «анекатен» – «сверху».

XXXIV. ПЛЕННАЯ мать Тесея, Этра, была, говорят, уведена в Спарту, откуда вместе с Еленой отправилась под Трою. У Гомера мы читаем, что в числе уехавших с Еленой находилась и Этра, Питфеева дочь, и Климена с блистательным взором.

Некоторые считают этот стих подложным, так же как миф о Мунихе, плоде тайной любви Лаодики к Демофону, Мунихе, воспитанном, говорят, Этрой в Трое. Истр держится собственного, ничего общего с другими не имеющего предания, говоря об Этре в тринадцатой книге своей «Истории Аттики». Точно так же некоторые рассказывают, что Александр, известный в Фессалии под именем Париса, был побежден Ахиллесом и Патроком в битве на берегах Сперхея, но что, в свою очередь, Гектор взял и разрушил Трезену, причем ему попала в плен оставленная там Этра. Но рассказ этот весьма невероятен.

XXXV. ПРИНИМАЯ у себя в доме Геракла, Аидоней вспомнил случайно, в разговоре о Тесее и Пирифое, о том, с каким намерением они пришли к нему и как он наказал их, догадавшись об их планах. Гераклу было тяжело слушать, что один из них погиб злою смертью, другой – ждет ее себе. Он считал напрасным упрекать теперь царя за смерть Пирифоя, но стал просить, в знак личного одолжения ему, об освобождении Тесея.

Аидоней согласился, и освобожденный Тесей вернулся в Афины, где у него были еще сторонники.

Все те участки земли, которые раньше выделил ему город, он посвятил Гераклу – кроме четырех, по словам историка Филохора, – и приказал вместо «Тесеевых» звать их «Геракловыми». Он по-прежнему хотел стоять во главе государства, быть при кормиле правления, но встретил ропот и недовольство. Тех, кого он оставил своими врагами, он нашел не только людьми ненавидящими, но и не боящимися его. В черни он заметил сильную перемену к худшему – она ждала ухаживаний, вместо того чтобы молча исполнять приказания. Он в первый раз принужден был употребить силу; но не смог подавить козни, противники победили его. Наконец, он сложил власть, отправил свое семейство в Эвбею, к сыну Халкодонта, Элефенору, сам же, изрекши в Гаргетте проклятие афинянам, – место это называется в настоящее время Аратерием, – отплыл на Скирос, рассчитывая на свою дружбу с его населением; кроме того, у него находились на острове наследственные поместья. Скиросским царем был в то время Ликомед. Тесей явился к нему и просил его вернуть ему его землю, намереваясь поселиться там. Другие рассказывают, что он просил у царя помощи против афинян. Ликомед – боялся ли он его громкого имени или желал угодить Менестею, трудно сказать, – взошел с ним на высокое место острова, как будто бы затем, чтобы показать ему его землю, столкнул его со скалы и убил. Некоторые говорят, впрочем, что Тесей сам поскользнулся и упал, прогуливаясь, по привычке, после обеда. Тогда на его смерть никто не обратил внимания, – афинский престол занимал Менестей, и сыновья Тесея отправились вместе с другими в поход под Троию в качестве простых граждан и, когда Менестей был убит, вернулись и утвердились на престоле, – но потом афиняне установили Тесею почести, как герою, по многим причинам: между прочим, многие, сражавшиеся с персами при Марафоне, видели носившийся пред ними призрак Тесея с оружием, ведшего их на врагов.

XXXVI. ПОСЛЕ окончания Персидских войн, в архонтство Федона пифия дала афинянам оракул – взять кости Тесея, с почетом перенести их и хранить в городе. Взять их и найти гробницу было трудно благодаря необщительности и грубости жителей острова – долопов.

Когда, однако, Кимон взял остров – об этом я говорил в его жизнеописании, – он пожелал, чтобы высокая честь найти могилу героя выпала ему. И вот, говорят, орел стал однажды рыть клювом какой-то холм и рвать когтями землю. Кимон, по внушению свыше, приказал рыть землю. Нашли гроб с исполинским остовом, возле которого лежало медное копье и меч. Когда Кимон привез их на своих триерах, обрадованные афиняне устроили им пышную, торжественную встречу с жертвоприношениями, как будто сам герой вернулся в их столицу. Прах его покоится в центре города, возле нынешнего гимнасия, и считается местом убежища для рабов и всех несчастных и боящихся сильных, как и сам Тесей был защитником и помощником других и ласково выслушивал просьбы угнетенных.

Главную жертву в честь его приносят восьмого пианепсиона, в тот день, когда он вернулся с молодыми людьми с Крита. Ему приносят жертвы и восьмого числа других месяцев, быть может потому, как объясняет историк Диодор Путешественник, что в первый раз он вернулся из Трезены восьмого гекатомбеона или же вследствие того, что считают это число более достойным его, нежели другое: он считается сыном Посейдона. Посейдону же приносят жертвы каждого восьмого числа. Восемь – куб первого четного числа и двойной квадрат его, поэтому оно напоминает о постоянстве и прочности силы божества, которое мы зовем Неколебимым и Земледержцем.

Ромул

I. КТО И ПОЧЕМУ дал городу Риму его славное и всем известное имя, об этом писатели говорят различно. Одни рассказывают, что пеласги, скитаясь по большей части известных земель и покорив почти все из них, поселились на том месте и назвали город Ромой, намекая на успехи своего оружия, другие – что после взятия Трои кучка спасшихся троянцев села на корабли. Буря пригнала их к берегам Этрурии, и они кинули якорь при устье Тибра. Их жен плавание по морю утомило до того, что они не могли более выносить его, поэтому одна из них, самая знатная и умная, Рома, сожгла корабли. Мужья сперва сердились на ее поступок, но потом покорились необходимости и поселились в окрестностях Паллантия. Вскоре они устроились сверх ожидания хорошо: им попалась плодородная земля, кроме того, к ним дружелюбно относились соседи. Они стали уважать Рому и, между прочим, назвали в честь нее город, виновницей основания которого была она. С тех пор, говорят, у римлян остался обычай – женщинам целовать в губы своих родственников и мужей, так как, сжегши корабли, они просили мужей перестать сердиться, целуя их и любезничая с ними.

II. НЕКОТОРЫЕ рассказывают, что город назван в честь Ромы, дочери Итала и Левкарии (по другим источникам – сына Геракла, Телефа), вышедшей замуж за Энея (по другим сведениям – за Аскания, сына Энея); некоторые считают основателем города сына Одиссея и Кирки, Романа, другие – латинского царя Рома, изгнавшего этрусков из их земель, этрусков, которые переселились в Лидию из Фессалии и из Литии и Италию. Но и те, кто совершенно справедливо считает город названным в честь Ромула, рассказывают о его происхождении неодинаково. Одни рассказывают, что он был сыном Энея и дочери Форбанта, Декситеи, и ребенком привезен в Италию вместе со своим братом Ремом; что во время наводнения Тибра все лодки потонули, кроме той, где находились дети, и что она тихо пристала к отлогому берегу в том месте, которое спасшиеся сверх ожидания назвали Римом. Другие говорят, что дочь названной троянки, жена сына Телемаха – Латина, была матерью Ромула, третьи – что его родила от связи с Марсом дочь Энея и Лавинии, Эмилия. Но некоторые рассказывают о его рождении совершенно невероятные вещи. У царя альбанского, Тархетия, кровожадного деспота, случилось во дворце чудо: из середины очага поднялся мужской член и оставался так несколько дней. В Этрурии есть оракул Тефии. Он дал Тархетию совет соединить его дочь с видением, предсказывая, что у нее родится славный сын, богато наделенный нравственными качествами, счастьем и телесною силой. Когда Тархетию сказали об ответе оракула, он приказал исполнить прорицание одной из своих дочерей; но она оскорбилась и послала вместо себя рабыню. Узнав об этом, Тархетий в раздражении решил запереть обеих в тюрьму и казнить их; но Веста явилась ему во сне и запретила ему обгагрять кровью руки. Тогда он приказал заковать девушек и заставил их ткать, обещая по окончании ткань выдать их замуж. То, что они успевали соткать днем, Тархетий приказывал другим девушкам распустать ночью. Когда у рабыни родились двое близнецов, Тархетий отдал их какому-то Тератию с приказанием убить; но тот унес их и оставил на берегу реки. Часто приходившая сюда волчица кормила их молоком, разные птицы носили малюткам пищу и клали им в рот. Наконец, детей нашел пастух. Удивленный, он решился подойти ближе и взял их с собою. Таким образом, они были спасены и, выросши, напали на Тархетия и победили его. Об этом говорит Проматион, автор «Истории Италии».

III. САМОЕ правдоподобное и подтверждаемое большим числом свидетельств предание первым из греков принял, в общем, пепаретец Диокл, которому почти во всем следовал Фабий Пиктор. Правда, между ними есть разница в других его подробностях; но в главных чертах предание это заключается в следующем.

В числе потомков Энея, альбанских царей, было два брата: Нумитор и Амулий, которые должны были наследовать престол. Амулий разделил все наследство на две части и предложил

Нумитору на выбор – или корону, или привезенное из Трои золото. Тот взял корону. Имея деньги и располагая вследствие этого большими средствами, нежели Нумитор, Амулий легко лишил его престола. Боясь, что у дочери брата могут родиться сыновья, он сделал ее весталкой и осудил на вечное безбрачие и девство. Одни зовут ее Илией, другие – Реей или Сильвией. Но вскоре стало ясно, что она забеременела, нарушив, таким образом, закон весталок. Дочь царя, Анто, горячо просила отца пощадить жизнь Реи. Амулий запер ее в тюрьму и приказал не пускать к ней никого, чтобы она не разрешилась от бремени без его ведома. Она родила двух сыновей замечательной величины и красоты. Еще более испугавшись, Амулий приказал рабу взять их и бросить где-нибудь подальше. Некоторые зовут раба Фаустулом; другие говорят, что так звали того, кто нашел их. Раб положил детей в корыто и отправился к реке, чтобы бросить в воду. Он увидел, что по реке ходят огромные с белыми гребнями волны; он струсил подойти ближе, оставил корыто на берегу и ушел. Вода в реке прибывала; наводнением подняло корыто, течением подхватило его и бережно вынесло на отлогое место, нынешний Кермаль; раньше, вероятно, оно называлось Германом, потому что родные братья по-латыни – *germani*.

IV. ВБЛИЗИ росла дикая смоковница, которую называли Руминальской в честь Ромула, как думают некоторые, или потому, что в ее тени отдыхали жвачные животные, или же вследствие того – и это всего невероятнее, – что малютки сосали под нею молоко, так как в древнелатинском *guta* значит сосцы. Богиню, заботящуюся, по верованию римлян, о кормлении детей, они зовут Руминой и приносят ей жертвы без вина, заменяя его возлиянием молока. Здесь лежали дети, когда, по преданию, волчица кормила их молоком, а прилетавший дятел носил им пищу и берег их. Оба животных считаются посвященными Марсу; но особенно уважают римляне и оказывают религиозные почести дятлу, поэтому слова матери малюток, что она родила их от Марса, находили себе большее подтверждение. Некоторые говорят, впрочем, что матерью она сделалась насильно, – Амулий явился к ней вооруженным, увез ее и лишил чести. Другие думают, что сказочный характер предания объясняется двусмысленным именем кормилицы. Лупа значит по-латыни и «волчица», зверь, и «публичная женщина». К числу последних принадлежала и кормилица малюток, жена Фаустула, Акка Ларенция. Тем не менее римляне приносят ей жертвы. В апреле жрец Марса совершает в ее честь заупокойное возлияние. Праздник ее называется Ларентами.

V. КУЛЬТ другой Ларенции установлен по следующей причине. Один из служителей храма Геркулеса вздумал, вероятно от безделья, поиграть с богом в кости, с условием, что, если он выиграет, бог окажет ему какую-либо милость, проиграет – он угостит бога отличным обедом и доставит ему красивую женщину. Затем он бросил кости сперва за бога, потом за себя и проиграл. Желая оказаться честным человеком, строго выполнить условие, он приготовил богу обед, нанял Ларенцию, которая была в блеске красоты, но еще никому не известна, угостил ее в храме, приготовил постель и после обеда запер ее, предоставив в распоряжение бога. Говорят, бог действительно пришел к женщине и велел ей выйти утром на форум, поцеловать первого встречного и отдаться ему. Ей встретился седой, очень богатый, бездетный и холостой старик Тарруций. Он познакомился с Ларенцией, полюбил ее и, умирая, оставил наследницей огромного, прекрасного состояния. По завещанию, она большую часть его оставила народу. Говорят, она, пользовавшаяся уже известностью и считавшаяся любимицей богов, исчезла на том самом месте, где погребена первая Ларенция. В настоящее время это место называется Велабр, потому что во время частых наводнений Тибра нужно было переправляться по нему на лодках, иначе нельзя было попасть на форум. Такой способ переправы назывался «вела-тура». Некоторые же говорят, что начиная с того места улица от форума до цирка устилалась, по приказанию эдилов, парусами. Парус по-латыни «велум». Вот почему оказывают римляне почести второй Ларенции.

VI. СВИНОПАС Амулия, Фаустул, унес детей тайно от всех. Некоторые говорят, однако, с большей вероятностью, что об этом знал Нумитор, который тайно отпускал пищу для малю-

ток. Говорят даже, их отправили в Габии учиться чтению и письму и, кроме того, тем предметам, знать которые необходимо детям хорошего происхождения, и называли их, как уверяют, Ромулом и Ремом потому, что их застали припавшими к сосцу волчицы. Когда они были еще малютками, их счастливая наружность – высокий рост и красота – ясно говорили об их происхождении. Взрослыми оба они были смелы, храбры, гордо смотрели в лицо опасности, вообще отличались непоколебимым мужеством. Ромул был рассудительнее брата и имел способности государственного человека. На сходках между соседями, где шла речь о скоте или охоте, он давал ясно понять, что рожден, скорее, для того, чтобы повелевать, нежели находиться в подчинении у других. Вот почему он был другом равных себе по происхождению и низших, но с презрением относился к людям, не отличавшимся нравственными достоинствами, – к царским чиновникам, смотрителям и главным пастухам, и не обращал внимания на их угрозы и раздражение против него.

Братья жили и вели себя так, как следует людям благородным. Они считали неприличным бездельничать, лениться и занимались гимнастикой, охотились, бегали, убивали разбойников, ловили воров и не давали в обиду угнетаемых, благодаря чему приобрели большую известность.

VII. ОДНАЖДЫ пастухи Нумитора повздорили с пастухами Амулия и угнали у них их стада. Братья не выдержали, напали на обидчиков, заставили их разбежаться и отняли у них большую часть их добычи. Не обращая внимания на гнев Нумитора, они стали собирать вокруг себя массу нищих и многих беглых рабов, внушая им мятежные замыслы и неповиновение властям.

Раз, когда Ромул был занят жертвоприношением – он был религиозен и умел гадать по внутренностям жертв, – пастухи Нумитора неожиданно напали на Рема, который шел в небольшом обществе. В стычке с обеих сторон оказались избитые и раненые; но люди Нумитора одолели и взяли Рема живым в плен. Они привели его к Нумитору в качестве обвиняемого. Тот не решился наказать его лично из страха перед своим суровым братом, но сам явился к нему и просил дать удовлетворение, как брату, и не давать в обиду своим рабам, как царя. Население Альбы выражало свое неудовольствие и считало Нумитора оскорбленным без всякого повода с его стороны. Это произвело на Амулия впечатление, и он отдал Нумитору Рема в его полное распоряжение. Тот взял его с собою, привел домой и, удивляясь фигуре молодого человека, его необычайно высокому росту и силе, которой никто не мог сравниться с ним, глядя на его мужественное лицо, говорившее о его смелой, гордой, не поддающейся горю душе, видя полное соответствие между тем, что он слышал о его делах и поступках, и тем, что он видел, а главным образом, вероятно, по внушению божества, виновника великих дел, – напал в уме на верный след и спросил юношу, кто он и чей сын, причем говорил тихо и ласково смотрел на него, внушал ему доверие и надежду. Рем не робея отвечал: «Я буду откровенен с тобою: ты более Амулия достоин носить корону, ты выслушиваешь и расспрашиваешь других, прежде чем наказать их, а он выдает их без суда. Раньше мы, близнецы, считали себя сыновьями рабов царя, Фаустула и Ларенции; но, когда нас обвинили и оклеветали перед тобою, когда решается вопрос о нашей жизни и смерти, мы слышим о себе нечто важное. Опасность, в которой мы теперь находимся, покажет, правда ли это. Наше рождение, говорят, покрыто тайной. Еще более невероятные рассказы существуют о нашем воспитании и раннем детстве: нас выкормили те звери и птицы, на съедение которым нас бросили, – волчица давала нам сосать молоко, дятлы носили нам пищу, когда мы лежали в корыте на берегу большой реки. Корыто это хранится в целости до сих пор. Оно с медными обручами. На нем вырезаны непонятные слова – знаки, которые, конечно, окажутся бесполезными для наших родителей, когда нас не будет в живых».

Судя по его словам и наружности. Нумитор, принимая во внимание его годы, отдался радостной надежде, но все же решил переговорить об этом при тайном свидании с дочерью: она все еще находилась в строгом заключении.

VIII. МЕЖДУ тем Фаустул, узнав, что Рем схвачен и выдан, стал убеждать Ромула помочь ему, открыв тайну его рождения, – раньше он только намекал о ней и говорил правду настолько лишь, чтобы братья помнили, кто они, – сам же взял корыто и поспешил к Нумитору, полный страха по случаю создавшегося положения. Он возбудил подозрение в стоявшей у ворот царской страже. Они задали ему несколько вопросов; он не знал, что отвечать, и не мог скрыть корыта, которое нес под плащом. Между стражей оказался один из тех, кому было приказано взять малюток и бросить их. Увидев корыто, он узнал его и вырезанные на нем буквы, догадался, в чем дело, не оставил его без внимания, но рассказал царю и представил пастуха к ответу.

Долгие и страшные пытки сломили упорство Фаустула, однако не вынудили у него полного признания: он объявил, что дети спаслись, но сказал, что они пасут скот вдалеке от Альбы, что он нес корыто Илии, которая, по его словам, часто хотела взглянуть на него и дотронуться, чтобы еще более увериться в спасении детей.

Амулий поступил так, как часто поступают люди, не владеющие собою и поступающие под влиянием чувства страха или раздражения, – он немедленно послал к Нумитору прекрасного во всех отношениях человека, его друга, и приказал спросить у Нумитора, знает ли он о спасении детей. Когда тот пришел, он увидел, что Нумитор чуть не обнимает и ласкает Рема, еще более обнадежил его, советовал живей приниматься за дело и остался с ними в качестве помощника.

Обстоятельства не позволяли им медлить, хотя бы они и хотели. Ромул был уже близко. К нему сбегалось много граждан из ненависти и страха перед Амулием; кроме того, он и сам успел собрать большое войско, которое разделил на отряды по сто человек. Начальник каждой из них нес пук сена и вязку прутьев на шесте – манипул [manipulus] по-латыни. На этом основании солдаты одного манипула называются до сих пор еще манипуляриями.

В то время как Рем призывал к восстанию внутри города, Ромул же приближался к нему извне, царь ничего не делал, не принимал никаких мер для своего спасения – он потерял голову, растерялся, был схвачен и убит. Главным образом об этом рассказывают Фабий и пепаретец Диокл, который, если не ошибаюсь, первым издал книгу об основании Рима. Некоторые считают ее произведением сказочного, мифического характера. Тем не менее нет основания не доверять ей, видя, что делает судьба, и принимая во внимание, что Рим никогда не был бы так могущественен, если бы на то не было воли свыше, воли, для которой нет ничего великого, ничего невозможного.

IX. АМУЛИЙ умер, и дела пошли своим чередом; но братья не хотели ни жить в Альбе, не управляя, ни управлять при жизни деда, поэтому они передали ему престол и позаботились оказать должную честь и своей матери, сами же решили жить отдельно и основать город там, где протекало их раннее детство. Это была самая вероятная причина. Конечно, им необходимо было также или распустить массу собравшихся вокруг них рабов и бродяг и обратить свою власть в ничто, или поселиться с ними отдельно: жители Альбы не желали ни принимать в свою среду бродяг, ни давать им прав гражданства. Это доказывается, во-первых, похищением женщин, на которое последние решились не из желания оскорбить кого-либо, а вследствие необходимости: никто не шел за них замуж добровольно, они оказывали похищенным женщинам знаки глубокого уважения; во-вторых, тем, что, основав город, братья построили храм, служивший убежищем беглецам и посвященный ими богу Асилу. Они принимали всех: рабов они не возвращали их господам, должников – заимодавцам, убийц – властям, ссылаясь на то, что дают всем убежище вследствие оракула дельфийской пифии, поэтому население их города

вскоре увеличилось, хотя вначале число жилых строений было, говорят, не больше тысячи. Но об этом речь впереди.

Когда братья решили построить город, между ними тут же вышла ссора из-за выбора места. Ромул заложил квадратный, иначе четырехугольный Рим, и хотел избрать это место для постройки города, Рем же наметил для этого укрепленный пункт на Авентине, названный в честь его Ремонием, нынешний Рингарий. Они условились решить свой спор гаданием по полету птиц и сели отдельно. Говорят, Рем увидел шесть коршунов, Ромул – двенадцать, по другим же, Рем увидел их действительно, Ромул солгал: когда пришел Рем, тогда только показались двенадцать коршунов Ромула, поэтому римляне до сих пор еще обращают главное внимание на появление при гаданиях коршунов. Понтийский историк Геродор говорит, что и Геракл был доволен, когда, думая что-либо делать, замечал коршуна. Действительно, это самое безвредное живое существо в мире. Он не приносит вреда ни посевам, ни деревьям, ни скоту, питается падалью, не убивая, не умерщвляя ни одно живое существо. Птиц он не трогает даже мертвых, видя в них своих, так сказать, соплеменников, в отличие от сов, орлов и ястребов. Недаром Эсхил говорит:

Терзает птица птиц – ужель она чиста?

Кроме того, другие птицы, если можно так выразиться, поминутно попадают на глаза, мы постоянно видим их; но коршун – редкий гость. Гнездо коршуна трудно найти, вследствие чего некоторые думают, будто он прилетает к нам из других стран. Так гадатели считают посланным свыше все то, что нарушает законы природы и появляется не само по себе.

Х. УЗНАВ об обмане, Рем рассердился и, когда Ромул копал ров, которым он хотел окружить стену будущего города, стал то смеяться над его работой, то мешать ей. Наконец, он перепрыгнул через ров и был убит на месте, одни говорят – самим Ромулом, другие – одним из его товарищей, Целером. В драке был убит и Фаустул вместе с Плистином, своим братом, помогавшим ему, по рассказам, воспитывать Ромула. Целер бежал в Этрурию. Здесь следует искать происхождение слова «целер» [celer], которым римляне называют проворных, быстро бегающих. Целером они прозвали и Квинта Метелла, удивляясь той быстроте, с какою он кончил в несколько дней приготовления к играм гладиаторов в память своего умершего отца.

XI. РОМУЛ похоронил Рема и своих воспитателей на Ремонии и занялся постройкой города. Он вызвал из Этрурии людей, которые дали ему подробные сведения и советы относительно употребляющихся в данном случае религиозных обрядов и правил, как это бывает при посвящении в таинства. Возле нынешнего Комиция был вырыт ров, куда положили начатки всего, что считается по закону чистым, по своим свойствам – необходимым. В заключение каждый бросил туда горсть принесенной им с собою с родины земли, которую затем смешали. Ров этот по-латыни зовут так же, как и небо, – мундус. Он должен был служить как бы центром круга, который был проведен как черта будущего города. Основатель города вложил в плуг сошник, запряг быка и корову и, погоняя их, провел глубокую борозду, границу города. Кто шел за ним, должен был заворачивать борозды, проведенные плугом книзу, наблюдая за тем, чтобы ни один комок не лег по другую сторону борозды. Эта черта означает окружность городской стены и называется с выпадением некоторых букв «помериум» вместо «постмериум», т. е. пространство вне и внутри городской стены. На месте предполагаемых ворот сошники вынимали и приподнимали плуг, вследствие чего оставалось пустое пространство. На этом основании вся стена, кроме ворот, считается священной: ворота не считаются священными, иначе религиозное чувство не позволяло бы в таком случае ввозить или вывозить то, что необходимо, но не считается по закону чистым.

XII. ПРИНЯТЫЙ всеми день основания города – одиннадцатый день перед майскими календами. День этот римляне празднуют, считая его «днем рождения» отечества. Сперва,

говорят, они не приносили тогда кровавых жертв, считая нужным справлять праздник в честь «дня рождения» отечества без пролития крови. Впрочем, еще до основания города у них был в тот же самый день праздник Палилий.

В настоящее время римские месяцы не сходятся с греческими; но тот день, в который Ромул основал город, был, как уверяют, тридцатым греческого месяца. В этот же день было солнечное затмение, которое, говорят, вычислил знаменитый эпик, теосец Антимах, и которое падает на третий год шестой олимпиады.

Во времена римского ученого Варрона, глубокого знатока истории, жил товарищ его, Таруций, философ и математик, но в то же время занимавшийся астрологией, в которой он достиг больших успехов. Варрон предложил ему определить день и час рождения Ромула, принимая во внимание известные дела его жизни, – таким же методом, каким они решают геометрические задачи, так как, по его словам, зная год рождения человека, можно знать заранее его жизнь, точно так же, как, зная его жизнь, можно определить время его рождения. Таруций решил предложенную ему задачу. Зная несчастья Ромула, его дела, время жизни и то, как он умер, имея в руках подобного рода сведения, он, ручаясь за достоверность сообщаемых им сведений, смело объявил, что Ромул зачат в первый год второй олимпиады, в египетском месяце хеаке, двадцать третьего числа, в третьем часу, во время полного солнечного затмения, родился же в том же месяце, двадцать первого числа, при восходе солнца; основал Рим – девятого фармути, между вторым и третьим часом.

В судьбе города, как и в судьбе человека, решающую роль играет время, которое можно определить по положению светил во время его основания. Конечно, такого рода вещи или подобные им скорей понравятся читателю своим сказочным, фантастическим характером, нежели заставят его рассердиться из-за своей мифической окраски.

XIII. ОСНОВАВ город, Ромул прежде всего образовал войско из всех способных носить оружие и разделил его на отряды. Каждый отряд состоял из трех тысяч пехоты и трехсот всадников. Он назывался легионом, так как для него выбирали самых воинственных из граждан. Прочие составляли народ. Народ получил имя «популус». Сто лучших граждан были избраны советниками и названы патрициями, собрание их – сенатом. Сенат значит, собственно, совет старейшин. Патрициями советники названы, говорят, или потому, что они были отцами законнорожденных детей, или, скорей, потому, что могли указать своих отцов, что при массе сбегавшихся отовсюду жителей города могли сделать немногие, или же от слова «патроциниум» – так до сих пор обозначают римляне покровительство другим, причем думают, что какой-то Патрон, один из товарищей Эвандра, был заботливым отцом и защитником слабых, вследствие чего и деятельность такого характера получила названное имя. Всего вероятнее, Ромул дал им это имя для того, чтобы первые и самые сильные пеклись и заботились о слабых, как отцы, и вместе с тем давали понять другим, чтобы они не боялись сильных и не роптали на те почести, которые оказывают им, но любили их, смотрели на них, как на отцов, считали ими и называли этим именем. В то время как чужеземцы до сих пор еще зовут сенаторов повелителями, сами римляне называют их только «отцами, внесенными в списки», – имя, которое служит выражением величайшего почета и уважения и в то же время не возбуждает ни малейшего чувства зависти. Сперва их называли просто «отцами», но позже, когда число их увеличилось, их стали называть «отцами, внесенными в списки». Это имя было в глазах Ромула высшим, в отличие senatorского сословия от нашего класса.

Он сделал еще другое отличие аристократии от простого народа: одних он назвал патронами, т. е. покровителями, других – клиентами, т. е. покровительствуемыми, и вместе с тем замечательно умно связал их заботою об общем благе и лежащими на каждой из сторон важными взаимными обязательствами в будущем. Первые растолковывали последним законы, защищали их на суде, были их советниками и опекунами во всем, вторые не только оказывали им уважение и почет, но и помогали им выдавать замуж дочерей, если патроны были бедны,

и платили за них долги. Ни закон, ни магистрат не могли заставить клиента давать показания против патрона или патрона против клиента. Позже для патронов считалось неприличным, низким брать деньги с клиента, хотя остальные обязательства остались в силе. Но довольно об этом.

XIV. СПУСТЯ три месяца по основании города произошло, как рассказывает историк Фабий, смелое похищение женщин. Некоторые говорят, что Ромул, сам человек воинственный, получил предсказание оракула, что Риму суждено возрасти, увеличиться и достичь огромных размеров – среди войн, поэтому царь первым оскорбил сабинцев. Он похитил немного девушек, всего тридцать, – он искал, скорей, предлога к войне, нежели женщин. Но это не заслуживает доверия: он видел, что город быстро наполнился жителями, из которых женаты были только немногие. Большая часть из них состояла из бедняков – простолюдинов, презираемых и не дававших повода рассчитывать, что они станут жить оседло. Он надеялся, что оскорбление, нанесенное сабинцам, послужит косвенным образом началом общения и сношений с ними, если только удастся приобрести нравственное влияние на женщин. К приведению в исполнение своего плана он приступил следующим образом. Прежде всего он распустил слух, что нашел в земле алтарь какого-то бога. Бога этого называли Консом, быть может, как бога «совета», – консилий до сих пор еще значит по-латыни «совет», как высшие магистраты, консулы, значит «советники» – или же его отождествляли с «конным» Нептуном, так как алтарь последнего стоит в Большом Цирке, невидимый в остальное время, его показывают только во время скачек. Другие же говорят, вообще, что, так как план хранился в тайне, не был никому известен, то вполне обоснованно было посвятить алтарь, скрытый под землей, божеству.

Когда он был найден, Ромул принес на нем пышную жертву и устроил игры, народный праздник, на который разослал приглашения всюду. Собралось огромное количество народу. Сам он вместе с избранными гражданами занимал почетное место в красного цвета плаще. Знак нападения должен был состоять в том, что он встанет с места, снимет плащ и снова надеет его. Большинство вооруженных мечами людей наблюдали за его движениями и, когда он подал знак, обнажили мечи, с криком бросились вперед и стали уводить дочерей сабинцев, позволяя их отцам спастись бегством. Одни говорят, что было захвачено только тридцать, именем которых названы курии, по Валерию Антийскому – пятьсот двадцать семь, по словам Юбы – шестьсот восемьдесят три девушки; что больше всего оправдывало Ромула в глазах других: замужняя женщина была захвачена только одна, Герсилия, да и то по ошибке, так что похищение женщин не имело целью ни насилие, ни оскорбление, – им желали слить, соединить в одно целое самыми тесными узами два народа. Герсилия вышла, говорят, замуж за очень знатного римлянина, Гостилия, по другим – даже за самого Ромула. Он имел от нее детей – единственную дочь, Приму, названную так как первенец, и единственного сына, которому отец дал имя Аоллия в память того, что он «собрал вместе» граждан. Некоторые говорят, что позже он получил имя Авиллия. Об этом рассказывает историк Зенодот Трезенский, но находит себе многих противников.

XV. ГОВОРЯТ, между похищенными тогда девушками выделялась одна своею замечательной красотой и высоким ростом. Какие-то простолюдины повели девушку с собой, как вдруг им попалось навстречу несколько знатных мужей, которые стали отнимать ее. Похитители стали кричать, что ведут ее к Таласию, молодому человеку, уважаемому за свои нравственные качества. Услыхав это, защитники девушки стали выражать ему добрые пожелания и на радостях хлопать в ладоши, некоторые же даже вернулись обратно и пошли следом за провожатыми в знак любви и уважения к Таласию, выкрикивая его имя. Вот почему римляне до сих пор еще во время свадьбы употребляют припев: «Таласий!», как греки «Гименей!». Говорят, Таласий был счастлив в браке.

Карфагенянин Секстий Сулла, высокообразованный человек, говорил мне, что этот крик Ромул назначил как сигнал похищения. Все уведившие девушек кричали: «талассио!» – обы-

чай, оставшийся вследствие этого и при свадьбах. Большинство же, между прочим Юба, думает, что слово это – знак приказания, заставляющий работать, заниматься прядением шерсти, хотя в то время греческие слова не входили еще в состав латинского языка. Но если слово это принимать не в дурном смысле, мало того, допустить, что у римлян слово «таласия» имело то же значение, что у нас, мы можем найти ему другое, более удачное объяснение. Когда сабинцы заключили мир с римлянами, одно из их условий, касавшееся женщин, говорило, что они не должны ничего делать мужьям, как только прясть шерсть. Таким образом, при позднейших браках сохранился обычай, что родители невесты, или гости, или вообще присутствующие кричат в шутку: «талассио!» в знак того, что женщина, выходя замуж, не должна делать ничего другого, как прясть шерсть. До сих пор еще продолжает существовать обычай, что новобрачная не переступает сама порога дома, а вносится в него на руках, в знак того, что некогда женщин внесли в дом силой, что они вошли в него не добровольно. Некоторые говорят, что волосы новобрачной обрезают острием маленького копья в знак того, что первый брак был совершен среди битвы и грома оружия. Этого вопроса я касался подробнее в своем сочинении «Римские изыскания». Женщины были похищены около восемнадцатого числа секстилия месяца, теперешнего августа, в день праздника Консуалий.

XVI. САБИНЦЫ были большой и воинственный народ. Они жили в неукрепленных местечках, как спартанские колонисты, гордились этим и ничего не боялись. Тем не менее они чувствовали себя связанными драгоценным залогом и, боясь за судьбу своих дочерей, отправили послов с справедливыми и скромными требованиями: Ромул должен был выдать им девушек, отказаться от насильственных поступков; затем два народа должны были мирно и дозволенными средствами сделаться друзьями и родственниками. Ромул не выдал девушек, но предложил сабинцам заключить с ним союз. В то время как все они тратили время на советы и вооружения, царь ценинский, Акрон, человек решительный и опытный полководец, отнесшийся с недоверием уже к первому смелому поступку Ромула, видевший в похищении женщин опасность для всех и не желавший оставлять этого без наказания, первым объявил Ромулу войну и пошел на него со своими многочисленными войсками. Противник его также выступил ему навстречу.

Когда они приблизились настолько, что могли видеть друг друга, они вызвали один другого на поединок, причем их войска должны были спокойно стоять в боевом порядке. Ромул дал обет Юпитеру принести ему в дар оружие врага, если он победит и убьет его. Он одолел Акрона, умертвил, разбил в сражении его войска и взял его город. Он пощадил жителей, но приказал им переселиться в Рим на равных правах с коренными гражданами. Такая политика и служила главным образом усилению могущества Рима, который всегда присоединял, включал побежденных в число своих граждан.

Желая обставить возможно большим блеском исполнение обета, данного им Юпитеру, и доставить удовольствие гражданам, Ромул приказал срубить вблизи лагеря огромный дуб, придал ему вид победного трофея и повесил на нем в строгом порядке доспехи Акрона, сам же надел дорогое платье, украсил свои длинные волосы лавровым венком, положил свой трофей на правое плечо, затем, высоко подняв его, запел победную песню и пошел вперед в сопровождении вооруженных солдат. Граждане принимали их с удивлением, смешанным с восторгом. Эта торжественная процессия послужила началом и образцом позднейших триумфов. Трофей был назван «даром Юпитеру-Феретрию»; поражать по-латыни «ферире», Ромул же молил о том, чтобы ему поразить и убить противника. Доспехи же названы «опимиа», как говорит Варрон, потому что «опес» значит по-латыни также «богатство». Все же вернее производство этого слова от «дела», – «дело» по-латыни «опус». «Опимиа» может посвятить полководец, собственноручно убивший неприятельского предводителя. Честь эта выпала до сих пор только трем римским полководцам: во-первых, Ромулу, убившему ценинского царя Акрона, затем Корнелию Коссу, умертвившему этруска Толумния, и, наконец, Клавдию Марцеллу, убившему

галльского царя Бритомарта. Косе и Марцелл выезжали в город уже на колеснице в четверку, причем сами несли свои трофеи. Если Дионисий говорит, что Ромул вступил в город на колеснице, он ошибается: первым, по рассказам, придал триумфу блестящую внешность сын Демарата – Тарквиний. По другим, первым появился на колеснице, в триумфальной процессии, Попликола. Все находящиеся в Риме статуи Ромула-триумфатора представляют его пешим.

XVII. ПОСЛЕ взятия Ценины, когда другие сабинцы готовились еще к походу, жители Фиден, Крустумерия и Антемны объявили римлянам войну. Они также проиграли сражение и сдали свои города Ромулу, который поделил их земли, а самих переселил в Рим. Ромул разделил всю землю между своими гражданами, кроме той, которой владели отцы похищенных девушек и которую он оставил им в собственность. Остальные сабинцы сочли себя оскорбленными его поступком, выбрали в полководцы Татия и двинули свои войска к Риму.

Доступ к городу был труден, его защищал нынешний Капитолий, где стоял гарнизон под начальством Тарпея, а не девушки Тарпей, как говорят некоторые, желая выставить Ромула глупцом. Дочь начальника гарнизона, Тарпея, предала город сабинцам, прельстившись золотыми браслетами, которые видела у них на руках. В награду за измену она потребовала с них то, «что они носили на левой руке». Татий согласился. Ночью она отворила единственные ворота и впустила сабинцев.

Кажется, не один Антигон говорил, что он «любит собирающихся предать, но ненавидит уже предавших» и не один Цезарь отозвался о царе фракийском, Риметалке, что он «любит измену, но ненавидит изменника», – это чувство питают к негодяям все те, кто нуждается в них, – как мы нуждаемся в яде и желчи некоторых животных – ласковы с ними, пока не можем обойтись без них, ненавидим их испорченность, когда достигнем своей цели. Точно такое же чувство пробудилось тогда в душе Татия и в отношении к Тарпее: он приказал сабинцам, не забывая о заключенном ими условии, не жалеть того, что у них на левой руке, первым снял с руки браслет и вместе со щитом бросил его в девушку. Все последовали его примеру, и, заброшенная золотом и погребенная под щитами, она умерла под их тяжелой массой. Историк Юба пишет, со слов Сульпиция Гальбы, что и Тарпей был уличен и обвинен Ромулом в измене. Некоторые, между прочим Антигон, передают о Тарпее невероятные вещи, будто она была дочерью сабинского вождя Татия; что, по их словам, она сделалась женою Ромула против ее желания и решилась на свой поступок ради отца. Поэт Симил рассказывает совершенный вздор, утверждая, что Тарпея помогла овладеть Капитолием не сабинцам, а кельтам, влюбившись в их царя. Вот его стихи:

Древле Тарпея жила на крутых Капитолия скалах,
Гибель она принесла крепкого Рима стенам.
Брачное ложе она разделить со владыкою кельтов
Страстно желая, врагу город родной предала.
Несколькими строками ниже он говорит об ее смерти:
Бойи убили ее и бесчисленных кельтов дружины.
Там же, за Падом-рекой, тело ее погребли.
Бросили кучу щитов на нее их отважные руки,
Девы-преступницы труп пышным надгробьем закрыв.

XVIII. В ПАМЯТЬ Тарпей, погребенной на холме, холм тот назывался Тарпейским, пока царь Тарквиний, строя здесь храм Юпитеру, не велел перенести ее прах в другое место. Имя Тарпей исчезло. Только скалу на Капитолии, откуда бросали преступников, до сих пор еще зовут Тарпейской.

Когда сабинцы заняли Капитолий, раздраженный Ромул стал вызывать их на сражение. Татий смело принял вызов, видя, что в случае поражения ему можно будет отступить в кре-

пость. Свободное пространство, где должно было произойти сражение, было окружено многими холмами. Благодаря неудобству места битве следовало быть жестокой и упорной: на тесном и малом пространстве невозможно было ни бегство, ни преследование неприятеля. Кроме того, несколько дней назад было наводнение, причем река оставила после себя слой глубокого и незаметного для глаза ила, на низменных участках на нынешнем форуме. Его не было видно, поэтому и нельзя было остерегаться; кроме того, он был низок и опасен. Сабинцы, ничего не подозревая, быстро бежали к этому месту. Их спас счастливый случай. Курций, аристократ, гордившийся своими подвигами, человек заносчивый, ехал на лошади далеко впереди остальных. Когда его лошадь увязла в трясине, он старался выбраться из нее, ударяя ее и понукая, но, не видя успеха, оставил лошадь и должен был позаботиться о своем собственном спасении. В память его место это до сих пор еще называется «Куртиос Лаккос»¹.

Избегнувшие опасности сабинцы дрались отчаянно; но никто не получил перевеса, несмотря на огромное число убитых, между которыми был и Гостилий. Говорят, он был мужем Герсилиии и дедом Гостилия, царствовавшего после Нумы. Вероятно, в узком пространстве происходило много схваток. Из них памятна одна, последняя, где Ромул был ранен камнем в голову и едва не упал. Он не мог оказать сабинцам такого мужественного отпора, как раньше. Римляне дрогнули и, прогнанные с ровного места, побежали по направлению к Палатинскому холму. Ромул, успевший прийти в себя от удара, хотел идти с оружием в руках навстречу бегущим, обратить их против неприятеля и громким криком ободрял своих выстроиться в боевой порядок и снова принять участие в сражении. Но вокруг него все бежали. Никто не смел вернуться назад, и он поднял руки к небу и стал молить Юпитера остановить бегущих солдат, не дать погибнуть римскому государству, но спасти его. Когда он кончил свою молитву, многим стало стыдно за своего царя, и в душах беглецов опять проснулось мужество. Сперва они остановились там, где стоит теперь храм Юпитера Статора, в переводе «Останавливающего», затем построились в боевой порядок и прогнали сабинцев до нынешней «Регии» и храма Весты.

XIX. ЗДЕСЬ они стали готовиться к новому сражению; но их остановило необыкновенное, не поддающееся описанию зрелище. Со всех сторон появились бежавшие с криком и воплями, через оружие и трупы к своим мужьям и отцам, точно иступленные, похищенные дочери сабинцев, одни с грудными детьми, которых они прижимали к груди, другие с распущенными волосами; но все они называли самыми нежными именами то сабинцев, то римлян. Те и другие были растроганы и дали им место в своих рядах. Их рыдания слышали все. Они вызывали к себе сострадание одним своим видом, но еще более своими речами, которые начали защитой своих прав и увещаниями и кончили мольбами и просьбами. «Чем оскорбили мы вас, – говорили они, – чем провинились перед вами, что нам пришлось уже вытерпеть лютое горе и приходится терпеть его теперь? Нас похитили насильно, противозаконно те, кому мы принадлежим в настоящее время; но, когда нас похитили, наши братья, отцы и близкие так долго не вспоминали о нас, что мы принуждены были соединиться самыми тесными узами с предметом нашей жесточайшей ненависти и теперь должны бояться за тех, кто увел нас, поправ законы, – когда они сражаются, и плакать по ним, когда они умирают! – Вы не явились мстителями нашим оскорбителям за нас, девушек, теперь же лишаете жен – мужей, детей – их отцов. Помощь, которую вы оказываете теперь нам, несчастным, хуже вашего прежнего равнодушия к нашей судьбе и предательства. Вот как любили нас они и вот как жалеете нас вы! Если бы даже вы вели войну из-за чего-либо другого, вы все-таки должны были прекратить ее, так как сделались благодаря нам зятьями, дедами и ближними родственниками; но если война ведется из-за нас, уведите нас с вашими зятьями и нашими детьми и верните нам наших отцов и родственников, не отнимайте от нас наших детей и мужей! Заклинаем вас, не заставляйте нас снова делаться рабами!..»

¹ Lacus Curtius – Курциево озеро (лат.).

Так горячо просила Герсилия; ее просьбы поддержали и другие женщины. Было заключено перемирие. Предводители вступили в переговоры. В это время женщины водили своих мужей к своим отцам и братьям, брали с собой детей, носили нуждавшимся пищу и питье, раненых приносили к себе в дом и окружали их своими попечениями, позволяли им убедиться, что они хозяйки у себя в доме, что их мужья оказывали им всяческое внимание и уважали их и любили, как только умели.

По условию мирного договора каждая женщина могла остаться, если желала, у своего мужа, но, как сказано выше, должна была быть свободна от всякого труда и всякой черной работы, кроме пряжи шерсти; римляне и сабинцы обязаны жить в городе вместе; последний должен называться в честь Ромула Римом, но все римляне – «квиритами» в честь родины Татия; власть и начальство должны быть разделены между обоими царями.

Место, где заключен был этот договор, до сих пор еще называется Комитием, от латинского «комире» – «собираться».

XX. НАСЕЛЕНИЕ города увеличилось, вследствие чего из сабинцев было избрано сто новых патрициев. Число солдат легиона увеличилось до шести тысяч пехоты и шести сотен конницы. Было составлено три трибы, названные: первая в честь Ромула – «Рампы», вторая – «Татии» в честь Татия и третья – «Лукеры» по имени священной рощи, куда спасались многие, искавшие себе убежищ и получившие затем права гражданства: «роща» по-латыни – «лукас» [Lucus]. Что триб было столько, видно из самого их имени: до сих пор еще наши филы римляне называют трибами, филархов – трибунами. Каждая триба состояла из десяти курий, названных, как уверяют некоторые, именами женщин, о которых говорено выше. Но этому трудно верить: многие из них имеют имена различных местностей.

Женщинам оказаны были и многие другие знаки уважения; например, мужчины должны были уступать им дорогу, не говорить в обществе женщин ничего неприличного, не показываться перед ними голыми; они не могли быть обвиняемы в убийстве; они, как и их дети, носили на шее буллу, названную так по сходству с пузырем, и тогу с красной каймой.

Цари совещались не сразу вместе друг с другом – каждый имел сперва отдельные совещания с сенаторами, и затем все собирались вместе на общий совет.

Татий жил там, где в настоящее время стоит храм Юноны-Монеты, Ромул – у «лестницы Кака». Она находится при спуске с Палатинского холма в Большой Цирк. Здесь же росло, говорят, священное кизиловое дерево, с которым связано следующее предание. Желая испытать свои силы, Ромул бросил однажды с Авентинского холма свое копьё с древком из кизила. Копьё ушло глубоко в землю. Несмотря на усилия многих, никто не мог вытащить его. Древко осталось в земле, принялось в ней, дало сучья и превратилось в огромный ствол. Преемники Ромула смотрели на него как на нечто в высшей степени священное, берегли его, чтили и окружили стеною. Если кому-либо из прохожих он казался вянущим, зелень его – несвежей, но как бы чахнувшей от недостатка питания, он тотчас же громко заявлял об этом попадавшим к нему навстречу. Те, точно на пожаре, криком требовали воды и сбегались со всех сторон к месту с полными воды кувшинами. Говорят, когда Гай Цезарь Калигула приказал ремонтировать лестницу, рабочие, роя поблизости землю, нечаянно повредили все корни дерева, и оно засохло.

XXI. САБИНЦЫ приняли римские названия месяцев, о чем я привел необходимые замечания в жизнеописании Нумы, Ромул же ввел в войске щиты употреблявшегося у них образца и переменял вооружение как свое, так и римских солдат, носивших раньше щиты аргосского образца. Праздники и жертвы были у них установлены общие, причем оба народа удержали те из них, которые существовали раньше, и учредили новые, например Матроналии, в честь женщин, содействовавших окончанию войны, и Карменталии. Одни говорят, что Кармента – парка, виновница человеческого рождения, вследствие чего ее особенно чтут матери, другие – что Карментой была названа вещая жена аркадского царя Эвандра, облакавшая свои предсказания в стихотворную форму: «стихотворение» по-латыни – «кармен». Настоящее ее имя

было Никострата. С этим объяснением согласны все. Некоторые, однако, дают имени Карменты более правдоподобное объяснение и переводят его «безумная», так как в исступлении теряется рассудок. «Не иметь чего-либо» по-латыни – «каре», «ум» – «мене». О празднике Палилий было сказано выше.

Праздник Луперкалий, судя по времени, в которое его справляют, принадлежит к числу очистительных: он происходит в «несчастные» дни февраля, «очистительного» месяца в переводе. День праздника назывался издавна «феврата». У греков ему соответствует праздник Ликеи, что служит доказательством, что в глубокой древности празднование его перенесли сюда из Аркадии товарищи Эвандра. Мнение это разделяется всеми: имя праздника происходит от «волчицы». Мы видим, по крайней мере, что «луперки» начинают бежать от того места, где, по преданию, был брошен Ромул: но то, что они делают, труднообъяснимо. Они убивают коз, затем один из них дотрагивается окровавленным ножом до лба двух присылаемых к ним мальчиков хороших фамилий, другие начинают стирать кровь клочком шерсти, омоченной в молоке. Когда мальчикам стирают кровь, они должны смеяться. Затем из козьей кожи луперки выкраивают ремни и бегают потом голыми, но в передниках, по улицам и бьют прохожих ремнями. Молодые женщины не уклоняются от ударов, думая что они при беременности облегчают роды. Особенность праздника состоит также в том, что луперки приносят в жертву собаку. Бутас, написавший в элегическом размере сборник легенд о происхождении римских обычаев, говорит, что, когда Ромул убил со своими товарищами Амулия, они в восторге побежали туда, где его с братом малолетками нашла волчица; что названный праздник установлен в подражание их бегу и что молодые люди бегут,

Встречным наносят удары; так некогда, Альбу покинув,
Юные Ромул и Рем мчались с мечами в руках.

Окровавленным ножом дотрагиваются до лба, по его объяснению, в знак того, что тогда совершено было убийство и убийцам угрожала опасность, кровь же обтирают молоком в память того, что братья были вскормлены им. Историк Гай Ателлий говорит, что еще до основания города Ромул с товарищами потерял свои стада. Они помолились Фавну и побежали искать их, раздевшись донага, чтоб не устать вспотевши. Вот почему луперки бегают голыми. Если жертва очистительная, они приносят в жертву собаку в виде очищения, как и греки при очистительных жертвах убивают собак и часто совершают «перискилакисмы»; но если же жертва благодарственная – волчице за воспитание и спасение Ромула принесение в жертву собаки вполне естественно: собака – враг волка, если только луперки не наказывают это животное за то, что оно кусает их, когда они бегают.

XXII. ПО ПРЕДАНИЮ, Ромул первым установил культ священного огня и учредил должность весталок. Некоторые приписывают это Нуме. Известно, однако, что Ромул был очень благочестив, затем, что владел искусством прорицания и носил при гаданиях «литюон» [lituus] – кривую палку, которою авгуры очерчивают в воздухе четырехугольник для своих наблюдений. Он хранился на Палатине, но исчез во время взятия города галлами. Когда же неприятели были прогнаны, его нашли под глубоким слоем пепла. Огонь не тронул его, хотя все другое было истреблено, уничтожено пожаром.

Ромул издал также некоторые законы. Самый суровый из них состоит в том, что женщина не имеет права уйти от мужа; но муж может прогнать жену, если она оказалась виновной в отравлении или подмене детей или была поймана в прелюбодеянии. Кто отсылал жену по другой причине, должен был половину своего состояния отдать жене, половину – посвятить Церере. Кто разводился с женой, обязан был принести жертву подземным богам.

Замечательно, что царь не издал никаких законов, карающих отцеубийство, и назвал каждое человекоубийство «отцеубийством», так как первое обрекалось проклятию, второе счи-

талось вовсе не возможным. Долго не было примеров подобного рода преступления, в Риме никто не решался совершить его в продолжение почти шестисот лет. Первым отцеубийцей называют Луция Гостию. Он совершил это преступление после Второй Пунической войны. Но об этом довольно.

XXIII. В ПЯТЫЙ ГОД царствования Татия кто-то из его близких, родственники его, встретили направлявшихся в Рим лаврентских послов, напали на них в дороге с целью отнять деньги и убили, так как те не хотели отдать их, защищались. Когда преступление было совершено, Ромул желал немедленно наказать виновных; но Татий медлил, откладывал дело. Это было единственным случаем, из-за которого у царей вышла явная размолвка друг с другом. В остальном между ними царствовало единодушие, и они в полном согласии управляли государством. Между тем родственники убитых, не получая от Татия законного удовлетворения, напали на него, когда он приносил в Лавинии жертву вместе с Ромулом, и убили, Ромула же проводили до дому, прославляя его справедливость. Он с почетом похоронил Татия – его могила находится возле Армилистрия, на Авентине, – и совершенно забыл об убийстве. Некоторые историки рассказывают, что испуганные лаврентцы выдали убийц Татия, но Ромул отпустил их, сказав, что «убийство искуплено убийством». Эта фраза заставила говорить о себе и возбудила подозрение, что ему было приятно избавиться от товарища по управлению. Все это не повлекло, однако, за собой никаких беспорядков; сабинцы оставались спокойны: одни любили царя, другие боялись его власти, третьи смотрели на него почти как на бога, что обеспечивало ему всегдашнюю преданность и уважение с их стороны.

Ромула уважали многие и не его подданные. Так, древние латиняне отправили к нему послов с предложением дружбы и союза. Напротив, ему пришлось взять Фидену, соседний с Римом город, неожиданным нападением, как рассказывают некоторые, – он послал вперед конницу и, приказав ей сбить петли у городских ворот, внезапно появился потом сам. Другие говорят, что фиденцы напали первыми, взяли добычу и страшно опустошили страну вплоть до предместья города. Ромул устроил им засаду, нанес огромные потери и взял их город. Он не разрушил его, не разорил, но превратил в римскую колонию – послал туда, в апрельские иды, две с половиной тысячи колонистов.

XXIV. ВСКОРЕ затем началась чума; люди умирали внезапно, не болея. Кроме того, случился неурожай. Скот перестал давать приплод; в городе выпал кровавый дождь, так что к ужасным бедствиям присоединился сильный страх пред гневом богов. То же самое происходило и в городе Лавренте, вследствие чего не оставалось никакого сомнения, что боги наказывают оба города за то, что они оказались несправедливыми в деле умерщвления Татия и послов. Когда убийцы были выданы и наказаны, бедствие явно уменьшилось в обоих городах. Ромул очистил тот и другой города жертвами, которые, как рассказывают, до сих пор приносят у Ферентинских ворот. Чума еще не прекратилась, когда на римлян напали камерийцы, вторгшись в их владения в полной уверенности, что римляне не в состоянии дать им отпора вследствие постигшего их несчастья. Ромул немедленно выступил против них с войском и разбил их, причем они потеряли шесть тысяч человек. Он взял город и половину жителей переселил в Рим, в секстильские же календы вывел в Камерию римских колонистов в двойном числе против оставшихся в ней жителей. Вот сколько лишних граждан было у него, хотя Рим существовал только шестнадцать лет! В числе добычи он привез из Камерии медную колесницу в четверку лошадей. Он поставил ее в храм Вулкана вместе со своею статуей, которую увенчивает богиня Победы.

XXV. ИЗ СОСЕДЕЙ-РИМЛЯН слабые покорялись перед его возраставшим могуществом и оставались довольны, когда их оставляли в покое; но сильные, из чувства боязни и зависти, считали своим долгом не глядеть равнодушно на усиление власти Ромула, а положить предел, преграду ее распространению. Первыми начали войну этрусски, жители Вей, большого города, имевшего обширные владения, потребовав себе уступки принадлежащих будто бы им

Фиден. Это было не только несправедливо, но даже смешно, так как, когда населению этого города угрожала опасность со стороны неприятелей, вейцы не подали им помощи, но остались безучастными к их гибели, теперь же вздумали требовать себе их город и земли, которыми владели другие. Когда Ромул дал им оскорбительный отказ, они разделили свои войска на два отряда. Один из них совершил нападение на Фидены, другой двинулся навстречу Ромулу. Под Фиденами римляне были разбиты, потеряв две тысячи человек; но лично Ромул нанес поражение неприятелю, который лишился более восьми тысяч человек. В окрестностях Фиден произошло новое сражение. Все согласны, что победа была одержана главным образом самим Ромулом, который выказал в полном блеске свои военные способности, храбрость, далеко не человеческую силу и быстроту движений. Но слишком сказочен или, скорей, вовсе не вероятен рассказ некоторых, будто из четырнадцати тысяч убитых Ромул собственноручно положил на месте более половины, как мессенцев считают хвастунами, когда, по их словам, Аристомен убил триста спартанцев.

Когда неприятель обратился в бегство, Ромул не стал преследовать его, а двинулся против самого города. Жители не могли выдержать осады после нанесенного им страшного поражения. По их просьбе был заключен дружественный договор на сто лет, причем они уступили Ромулу большую часть своих владений, нынешний Септемпагий, т. е. семь селений, соляные копи у берега и дали в заложники пятьдесят граждан лучших фамилий. Вследствие этого царь справил триумф в октябрьские иды. В процессии шел в числе других пленных и венский полководец, старик, которого считали глупцом и который, несмотря на свои годы, оказался человеком неопытным в делах. Вот почему до сих пор еще при праздновании дней побед в Капитолий ведут чрез форум старика в красном платье с детской буллой на шее, причем глашатай кричит: «Купите сардийцев!» Дело в том, что этруски считаются колонистами Сард, Вейи же – этрусский город.

XXVI. ВОЙНА эта была последнею, которую вел Ромул. Затем с ним произошло то, что бывает со многими, вернее почти со всеми теми, кого большое, необыкновенное счастье вознесло на вершину могущества и славы. Надеясь на крепость своей власти и все более и более обнаруживая свою гордость, он переменял народную форму правления на монархию, которая сделалась ненавистной и возбуждала неудовольствие уже с первых дней одной одеждой царя. Он стал носить красный хитон и пурпуровую тогу и занимался делами, сидя на кресле со спинкой. Его всегда окружали молодые люди, названные пелерами за ту быстроту, с какою они исполняли данные им приказания. Другие шли впереди него, разгоняя палками народ. Они были подпоясаны ремнями, чтобы связать немедленно всякого, на кого им укажут. «Связывать» по-древнелатински – «лигáре», в новейшем языке – «аллигаре», откуда и жезлоносцы называются «ликторами», жезлы – «бакиа», потому что тогда они служили вместо палок. Вероятно и то, что в нынешнем слове «ликторы» вставлена буква «к», так что прежде они назывались «литоры», соответствует греческим служителям; народ по-гречески до сих пор еще называется «леитон», червь – «лаос».

XXVII. ПО СМЕРТИ деда, альбанского царя Нумитора, Ромулу следовало получить по наследству его престол; но он из желания угодить народу оставил ему самоуправление и только ежегодно назначал альбанцам нового наместника. Таким образом, он внушал и римской аристократии мысль стремиться к уничтожению монархии, к образованию свободного государства, учиться управлять и быть управляемыми попеременно. Ведь к тому времени даже патриции не принимали участия в правлении. Они отличались перед другими только именем и наружными знаками и собирались в сенате, скорей, по привычке, нежели затем, чтобы высказывать в нем свои мнения. Далее, они должны были выслушивать молча то, что им приказывали, – единственное их преимущество перед народом состояло в том, что они узнавали раньше его принятые решения, – и расходились. Это не представляло еще особенного; но, когда царь разделил, по собственному желанию, завоеванную землю между солдатами и вернул вейцам их

заложников без согласия и желания сенаторов, он нанес им, в их глазах, тяжкое оскорбление. Вот почему на них пало подозрение и обвинение, когда вскоре он исчез необъяснимым образом. Он исчез в июльские ноны, как называют их теперь, или в квинтильские, как называли их тогда. Единственное, что мы знаем о его смерти и с чем все согласны, – это ее время, о котором я сказал выше. До сих пор еще в тот день продолжают делать многое, напоминающее об имевших тогда место печальных событиях.

Относительно неясных обстоятельств его смерти не следует удивляться: мы не можем сказать наверное, ручаться за то, как умер даже Сципион Африканский, найденный мертвым у себя дома после обеда. Одни говорят, что он был слабого здоровья, другие – что он сам отравился, третьи – что на него напали прокрававшиеся ночью враги и задушили его. Но труп Сципиона был, по крайней мере, выставлен на виду всех и возбуждал в каждом, кто его видел, подозрения и догадки насчет его насильственной смерти; Ромул же исчез внезапно. Никто не видел ни части его трупа, ни куска одежды. Одни говорят, что сенаторы напали на него в храме Вулкана, убили и искрошили тело, причем каждый вынес под платьем его частицу. По словам других, он сделался невидим не в храме Вулкана и в присутствии не одних сенаторов. По их рассказам, Ромул собрал народ за городом, возле Козьего болота. Внезапно в воздухе произошли удивительные, необыкновенные явления и невероятные перемены: солнце затмилось; настала ночь, но ночь не тихая, спокойная, – началась ужасная гроза и ветер, дувший со всех сторон с яростью урагана. В то время как народ бросился бежать куда попало, сенаторы собрались вместе. Когда гроза кончилась и засияло солнце, народ вернулся на старое место, ища царя и боязливо спрашивая о нем. Сенаторы положили конец его поискам и любопытству, приказав всем почитать и молиться Ромулу, который, по их словам, вознесся на небо и из доброго царя будет для них милостивым божеством. Народ поверил этому и удалился с молитвой, в радости, полный веселых надежд. Некоторые, однако, с грустью и негодованием тщательно разыскивали истину и испугали патрициев, обвиняя их в том, что они морочат народ и что они сами убили царя.

XXVIII. ТОГДА один переселившийся из Альбы патриций, Юлий Прокул, принадлежавший к числу самых знатных граждан, уважаемый за свою жизнь, друг и доверенное лицо у Ромула, вышел на форум и под страшную клятвой, прикасаясь при этом к священным предметам, сказал громко, что, когда он шел, навстречу ему попался Ромул. Он был так красив и высок, как никогда раньше. Его блестящее вооружение горело огнем. Патриций испугался этого зрелища и спросил: «Царь, что с тобой или что задумал ты, если оставляешь нас в жертву несправедливому, злостному обвинению и заставляешь сиротеть весь город, который глубоко скорбит о тебе?» «По воле богов, Прокул, – отвечал ему царь, – я после долгого пребывания среди людей основал город, которому суждено подняться на вершину могущества и славы, – и снова вознесся в свое небесное жилище. – Утешься и передай римлянам, что, если они будут мужественны и благоразумны, они достигнут высшей степени человеческого величия. Я буду вашим богом-покровителем, Квирином». Римляне поверили этому рассказу, принимая во внимание частью личность рассказчика, частью данную им клятву. Казалось, ими овладело настроение, по воле свыше похожее на исступление: ни один голос не поднялся против; всякие подозрения и обвинения исчезли, и они стали молиться обоготворенному Квирину.

Такой рассказ существует и у греков о проконнессе Аристее и астипалейце Клеомеде. Говорят, когда Аристей умер в красильне, друзья хотели похоронить его; но его тело внезапно исчезло. Вскоре, однако, несколько человек, вернувшихся из-за города, сказали, что видели его по дороге в Кротон. О Клеомеде рассказывают, что он отличался необычайной силой и ростом. Как страдавший помешательством, он ударил однажды, придя в школу, кулаком в столб, поддерживавший потолок, и сломал его, причем обрушившимся потолком передавил детей. Спасаясь от погони, он залез в большой сундук, захлопнул его и держал изнутри крышку так крепко, что ее не могли оторвать объединенными усилиями многих. Когда сундук сломали,

в нем не нашли виноватого ни живым, ни мертвым. В испуге послали спросить дельфийского оракула. Пифия отвечала:

Это последний герой, Клеомед из Астипалеи.

Точно так же внезапно сделался невидимым и труп Алкмены, когда ее собрались хоронить. Вместо трупа нашли на постели камень.

Вообще рассказывают много сказок подобного рода, равняя смертное по природе с божеством. Преступно и в высшей степени низко совершенно отнимать у добродетели ее божественное происхождение; но смешивать земное с небесным, кроме того, глупо. Поэтому мы осторожно говорим вместе с Пиндаром, что

Всякое тело должно подчиниться смерти всеильной.
Но остается навеки образ живой.
Он лишь один – от богов.

Вот единственное, что есть в нас общего с богами. Оно приходит оттуда и туда же возвращается, но не вместе с телом, а тогда, когда вполне избавится от тела, покинет его и делается вполне чистым, бесплотным и святым. «Пламенную» душу Гераклит считает лучшей. Она выходит из тела, как молния, прорезывающая тучи. Но душа, облеченная в тело, душа, имеющая телесную оболочку, наполнена как бы тяжелыми, густыми испарениями, трудно отрешима от уз тела и нелегко возвращается назад, откуда пришла. Не посылайте же на небо тела честных людей, вопреки законам природы, но веруйте, что души добродетельных людей вполне по законам природы и божественной справедливости из людей делаются героями, из героев – демонами, наконец из демонов, если они, как в таинствах, вполне чисты и святы, чужды всего смертного и подверженного страданиям, – становятся богами, но не по постановлению государства, а в действительности, заслуженно достигнув прекраснейшего, блаженнейшего конца.

XXIX. ЧТО ЖЕ касается нового имени Ромула – Квирина, то некоторые видят в нем имя бога войны, другие думают, что оно значит «гражданин», так как граждан римских зовут «квиритами». По мнению третьих, оно происходит от древнелатинского «квирис», копьё, пики, вследствие чего одна из статуй Юноны, стоящая на копьё, носит название Квиритиды. Точно так же копьё, находящееся в Регии, носит имя Марса, копьё же получают в награду отличившиеся на войне. Таким образом, Ромул был назван Квирином как бог войны или как бог, сражающийся копьём. На Квиринальском холме, получившем его имя, ему был выстроен храм. День, в который он исчез, называется «днем бегства народа» и Капратинскими нонами, так как тогда ходят для принесения жертвы за город, на Козье болото; коза по-латыни – «капра». На пути к этому месту для принесения жертв присутствующие громко выкрикивают имена, часто даваемые в Италии, например Марка, Луция, Гая и т. д., в подражание тем полным ужаса и смятения окликам, которыми обменивались тогда бегущие. Некоторые говорят, впрочем, что это делается не для изображения их состояния во время бегства, но из желания ободрить и поторопить друг друга, причем в подтверждение своего мнения приводят следующий рассказ.

Взятые Рим галлы были выгнаны Камиллом; но государство не могло скоро оправиться от постигшего его удара. В его пределы вступила сильная неприятельская армия под начальством Ливия Постума. Он расположился с войсками недалеко от Рима и отправил затем посла объявить, что латинцы желают возобновить прежние, ослабевшие от времени дружбу и родственные отношения и новыми брачными связями вторично соединить оба народа и что, если им пошлют достаточное число девушек и вдов, они заключат с римлянами мир и дружбу, точно так же, как то было у них раньше с сабинцами.

При этом известии римлянами овладел страх перед грозившею им войною; но в то же время выдачу женщин они считали таким же позором, как рабство. Одна рабыня, Филотида, по-другому – Тутола, помогла им выйти из затруднения. Она советовала им не исполнять ни одного из требований, а прибегнуть к хитрости, не обнажая оружия и не выдавая женщин. Хитрость состояла в том, что сама Филотида вместе с другими красивыми рабынями должны были одеться в платье свободнорожденных женщин и отправиться к неприятелям. Затем Филотида должна была зажечь ночью огонь – условный знак, чтобы вооруженные римляне напали на неприятелей во время сна. План этот был приведен в исполнение: латинцы дались в обман. Филотида зажгла огонь на высокой дикой фиге, но скрыла его сзади покрывалами и платками, так что неприятель не видал огня, римляне же прекрасно видели его. Когда они заметили сигнал, то быстро выбежали из города, причем часто называли в воротах друг друга по именам для того, чтобы не медлить. Они неожиданно напали на неприятеля и разбили его, учредив в память этой победы праздник. Ноны называются «Капратинскими» потому, что дикая фи́га по-латыни – «капрификус». Римляне угощают тогда своих жен за городом, в тени диких фиг. Рабыни ходят взад и вперед, собираются в кучки и говорят различные шутки, затем начинают бить одна другую и кидаться камнями в знак того, что они стояли когда-то на стороне римлян и принимали участие в сражении. Это объяснение принято не всеми историками. Напротив, обычай называть друг друга днем по имени и ходить для принесения жертвы на Козье болото, словно на праздник, находит себе более подтверждения в первом рассказе. Быть может, однако, оба эти случая имели место в один день, но в разное время.

По преданию, Ромул исчез на пятьдесят пятом году от рождения, после тридцативосьмилетнего царствования.

[Сопоставление]

XXX (I). ВСЕ, ЧТО я мог узнать самого интересного о жизни Ромула и Тесея, заключается в следующем. Во-первых, один из них добровольно, по собственному желанию, имея возможность править Трезеной, наследством, которым мог гордиться, сам, никем не принуждаемый, решил совершить великие подвиги; другой, не желая быть рабом и наказанным, сделался храбрым, по выражению Платона, конечно от страха, и принужден был решиться на смелое дело из боязни перед угрожавшим ему ужасным несчастьем. Далее, величайшим подвигом для одного было убить альбанского царя, тогда как другой мимоходом, готовясь к дальнейшим подвигам, убил Скирона, Синида, Прокруста и Коринета, причем, наказав их, освободил Грецию от кровожадных деспотов, прежде чем кто-либо узнал имя своего спасителя. Один мог ехать по морю, не подвергаясь опасности, не рискуя быть обиженным разбойниками. Ромулу же при жизни Амулия нельзя было жить спокойно. Важным доказательством справедливости этих слов служит то обстоятельство, что, тогда как один, никем не обиженный, напал на злодеев для защиты других, братья позволяли царю оскорблять всех, пока не оскорбили их самих. Если одному ставят в подвиг то, что он получил рану в сражении с сабинцами, убил Акрона и вел несколько победоносных войн, этим подвигам мы можем противопоставить битву с кентаврами и поход амазонок. Смелый план Тесея избавить сограждан от платежа дани Криту и отдать себя на съедение чудовищу, быть или жертвой за смерть Андрогеев или – что самое легкое в сравнении с тем, о чем я говорил выше, – рабом надменных, враждебно относившихся к нему людей, исполнять низкие, позорные работы, отплыв добровольно вместе с девушками и мальчиками, – этот план можно назвать в высшей степени смелым, как и великодушным, честною заботой об общем благе, жаждой славы и доблести. Мне кажется, философы вполне правы, говоря, что любовь боги посылают, заботясь о спасении молодых людей. По крайней мере, любовь Ариадны к Тесею, по моему мнению, более чем что-либо другое имеет право считаться делом богов, желавших быть орудием его спасения. Ее чувства к нему следует не порицать, но удивляться, что так поступали не все мужчины и женщины. Если это выпало на долю одной ей, она, на мой взгляд, вполне заслужила любовь бога за свое стремление к прекрасному, честному и идеальному.

XXXI (II). ОБА, ТЕСЕЙ и Ромул, были созданы для того, чтобы управлять, и ни один из них не сумел быть царем. Оба они свернули с прямого пути и произвели перемены в государственном устройстве: один ввел демократию, другой – тиранию, и оба ошиблись, но из различных побуждений. Царь должен прежде всего заботиться о сохранении своей власти, сохранить же ее можно – удаляясь от недозволенного и стремясь к дозволенному. Кто или слишком добр, или слишком строг, тот перестает быть царем или правителем, – он начинает заискивать перед народом или превращается в деспота и становится предметом ненависти и презрения для своих подданных, хотя в первом случае выказывает свое мягкое, доброе сердце, как во втором – навлекает на себя обвинение в себялюбии и жестокости.

XXXII (III). ЕСЛИ не следует приписывать гневу богов даже всех наших несчастий, но искать причины их в различии нравов и страстей, никто не станет оправдывать необдуманного гнева Ромула, его безрассудного раздражения по отношению к брату. Снисхождения заслуживает тот, кого, подобно сильному удару, потрясли и лишили равновесия более важные причины. Если Ромул поссорился с братом, взвесив все обстоятельства дела, по зрелом размышлении, из желания общей пользы, нельзя поверить, что такой ужасный гнев овладел его рассудком внезапно; в то же время Тесей был вооружен против сына, ослепленный любовью, ревностью, вследствие клеветы женщины – чувствами, которые чужды только немногим людям. Важнее всего то, что Ромул доказал свое раздражение на деле, что имело печальный конец; гнев же

Тесея ограничился одной бранью и старческими проклятиями. Дальнейшая участь его сына зависела от выпавшего на его долю жребия. Вот все, что можно сказать в оправдание Тесея.

XXXIII (IV). ЧТОБЫ достичь великого, Ромулу пришлось начать с самого малого. Прежние рабы, свинопасы, раньше, чем сделаться свободными, освободили почти всех латинцев и в одно время заслужили в высшей степени почетные прозвища «убийц рабов», «спасителей родных», «царей народов» и «основателей городов» – не «пришлецов», как Тесей, который составил один город из соединения многих общин и уничтожил много городов, носивших имена древних царей и героев. Ромул сделал то же, но позже. Он заставил неприятелей переселиться, разрушить свои прежние жилища и соединиться с победителями. Прежде всего ему не приходилось ни населять вновь, ни увеличивать города, существовавшего раньше, – он основал новый город и, основав его, приобрел себе землю, отечество, царскую власть, род, жену и родственников. Он никого не убивал, не лишал жизни, напротив, был благодетелем бездомных скитальцев, желавших сделаться гражданами. Он не убивал разбойников и злодеев, но покорила народы силой оружия, завоевал города и отпраздновал свой триумф над царями и вождями.

XXXIV (V). БЫЛ ЛИ он убийцей несчастного Рема – вопрос нерешенный. Большая часть писателей обвиняет в этом других; все же он спас, как всем известно, от смерти свою мать, своего деда – от позорного, бесславного рабства и посадил его на престол Энея. Много добра сделал он добровольно и никому не навредил даже невольно. Но забывчивость Тесея и его небрежность относительно условия, перемены паруса едва ли найдут, на мой взгляд, горячего защитника, и даже снисходительные судьи едва ли оправдают его от обвинения в отцеубийстве. Этого не мог не понять один аттический писатель, который, видя, как трудно оправдать в этом Тесея его защитникам, сочинил, будто Эгей, желая скорей увидеть приближавшийся корабль, быстро побежал в Акрополь, но поскользнулся и упал. Как будто у царя не было провожатых или, когда он спешил к морю, с ним не было рабов!

XXXV (VI). В ПОХИЩЕНИЯХ женщин Тесей не может найти достаточно справедливого оправдания своим поступкам, во-первых потому, что они были часты, – он похитил Ариадну, Антиопу, трезенку Анаксо и в заключение всего Елену, когда сам был стариком, а она еще не достигла половой зрелости, была ребенком, а сам он был уже в годах, когда ему не следовало думать даже и о законном браке, – во-вторых потому, что афинянки, потомки Эрехтея и Кекропа, умели рожать детей ничуть не хуже девиц-трезенок, спартанок или амазонок. Это он делал, вероятно, из сладострастия и похоти. Ромул похитил, во-первых, около восьмисот женщин, но взял себе не всех, а говорят, одну Герсилию, других же разделил между лучшими из граждан. Затем он окружил этих женщин таким уважением и любовью, так справедливо относился к ним, что заставил считать их похищение – нанесенное им оскорбление – в высшей степени прекрасным поступком и делом высокой государственной мудрости, имевшими целью сближение народов. Таким образом, они слились, образовали одно целое, что стало впоследствии источником взаимной любви и величия государства. Само время свидетель того, сколько целомудрия, дружбы и крепости союза было в заключенных царем браках: в продолжение двухсот тридцати лет ни один муж не решился развестись с женою, ни одна жена – с мужем. Греческие ученые знают имя первого отцеубийцы или матереубийцы; точно так же каждый римлянин знает, что Корнелий Спурий первым дал развод жене из-за ее бесплодия. Последствия деяний Ромула свидетельствуют об их правильности: благодаря бракам царская власть сделалась общою, так же как оба народа получили право гражданства; но любовные связи Тесея не принесли афинянам ни дружбы, ни союза с другими народами, напротив, имели своим следствием вражду, войны, убийства граждан и, наконец, потерю Афин. Только с трудом, и то благодаря снисходительности неприятелей, которым афиняне поклонялись, называя их богами, они не испытали участи Трои по вине нового Париса. Мать Тесея не подвергалась опасностям, но испытала участь Гекабы: сын оставил, предал ее, если только рассказ о ее плене не выдумка, хотя было бы желательно, чтобы это вместе со многим другим оказалось ложью.

Большая разница и в том, какое участие принимали, по рассказам, боги при их рождении. Боги очень желали спасения Ромула, между тем как оракул, данный Эгею и запрещавший ему вступить в связь с иностранкой, доказывает, что Тесей родился против воли богов.

Ликург и Нума Помпилий

Ликург

I. В ОБЩЕМ, ни один из рассказов о законодателе Ликурге не заслуживает полного доверия. О его происхождении, путешествиях, смерти, наконец о его законах и политической деятельности существуют разноречивые показания; но особенно мало сходства в рассказах о времени его жизни.

Одни считают его современником Ифита, принимавшим вместе с последним участие в установлении перемирия на время Олимпийских игр, – мнение, разделяемое и философом Аристотелем, который ссылается на надпись на диске в Олимпии, где упоминается имя Ликурга. Другие, придерживаясь при хронологических вычислениях списков династий древних спартанских царей, например Эратосфен и Аполлотор, говорят, что он жил незадолго до первой олимпиады. Тимей принимает двух Ликургов, живших в Спарте в разное время. Одному из них предание приписывает то, что сделано обоими. Старший из них был почти современником Гомера или, как утверждают некоторые, даже лично знал Гомера. К древнему времени относит его жизнь и Ксенофонт, называя несколько раз современником Гераклидов. Но, вероятно, под «Гераклидами» он понимал древнейших царей, ближайших родственников Геракла, так как «Гераклидами» назывались и позднейшие спартанские цари.

Ввиду сбивчивости показаний историков мы постараемся описать жизнь Ликурга на основании тех данных, которые всего менее противоречат друг другу, и рассказов лиц, заслуживающих полного доверия.

Поэт Симонид называет, например, отцом Ликурга не Эвнома. По его словам, Ликург и Эвном были сыновьями Пританида. Большинство, однако, приводит другую родословную: если верить им, Прокл, сын Аристодема, был отцом Соя. Сой имел сына Эврипонта, последний – Пританида, этот – Эвнома, Эвном от первой жены – Полидекта, от второй, Дионассы, – Ликурга. Таким образом, по историку Диевтихиду, Ликург является потомком Прокла в шестом колене и Геракла в одиннадцатом.

II. ИЗ ЕГО ПРЕДКОВ самым знаменитым был Сой, в царствование которого спартанцы обратили илотов в рабство и присоединили к своим владениям значительную часть Аркадии. Говорят, Сой, окруженный однажды клиторцами в неудобной для сражения и безводной местности, предложил им заключить мир и возвратить завоеванную у них землю, если они позволят ему и всему его войску напиться из ближайшего источника. Мир был заключен под клятвою. Тогда он собрал свое войско и обещал отдать престол тому, кто не станет пить. Но никто не мог побороть себя, все утолили жажду, только один царь, спустившись вниз на глазах всех, лишь плеснул на себя водой в присутствии неприятелей. Он отступил, но не вернул завоеванной им земли, ссылаясь на то, что «не все пили».

Несмотря на все уважение к нему за его подвиги, его род называли не его именем, а Эврипонтами, по имени его сына: вероятно, Эврипонт, заискивая перед народом, желая приобрести любовь черни, поступился частью своих прав неограниченного монарха. Вследствие этих послаблений народ поднял голову. Следующие затем цари были или ненавидимы народом за свою строгость по отношению к нему, или становились предметом насмешек за свою уступчивость и слабохарактерность, поэтому в Спарте долго царили безначалие и смуты, жертвами которых пал и царь, отец Ликурга. Желая разнять драку, он был ранен кухонным ножом и умер, оставив престол своему старшему сыну, Полидекту.

III. КОГДА вскоре скончался и Полидект, все считали законным наследником престола Ликурга, и действительно, он правил государством, пока ему не сказали, что его невестка бере-

менна. Узнав об этом, он объявил, что, если новорожденный окажется мальчиком, он передаст престол ему, лично же будет управлять государством в качестве опекуна. Опекунов сирот-царей спартанцы называли «продиками».

Между тем вдовствующая царица завела с ним тайные сношения и говорила, что готова вытравить свой плод, чтобы выйти замуж за него, когда он будет царем. Ликург ужаснулся ее жестокости, но не ответил отказом на ее предложение, сказал, что он в восторге от него, ничего против не имеет, только советует ей не вытравлять плода, беречь себя, не губить своего здоровья приемом сильнодействующих средств и объявил, что постарается убить ребенка тотчас же после его рождения. Таким образом ему удалось обмануть царицу, пока ей не пришло время разрешиться от бремени. Когда он заметил, что роды близки, он отправил во дворец нескольких человек в качестве свидетелей разрешения ее от бремени, а также для надзора за ней, приказав им в случае рождения девочки передать ее женщинам, мальчика принести к нему, что бы он ни делал. Царица родила. В это время он сидел за обедом вместе с высшими сановниками. Рабы явились к нему с малюткой на руках. Он взял его и обратился к присутствующим со словами: «Вот, спартанцы, ваш царь!» Он положил его на трон и назвал Харилаем, так как все радовались и приходили в восторг от его великодушия и справедливости. Ликург царствовал всего восемь месяцев, но успел заслужить глубокое уважение от своих сограждан. Ему повиновались не только по одному тому, что он был царским опекуном и имел в руках верховную власть, большинство охотно исполняло его приказания, слушалось его из уважения к его нравственным качествам. Но у него были и завистники, старавшиеся помешать успехам молодого человека, главным образом родня и приближенные матери-царицы, считавшей себя оскорбленной. Брат ее, Леонид, позволил себе однажды кровно обидеть его, сказав, между прочим, что он отлично понимает, рано или поздно, только Ликург будет царем, желая этим навлечь подозрение на Ликурга и заранее оклеветать его как заговорщика, если с царем случится какое-либо несчастье. Подобного рода слухи распускала и царица. Глубоко оскорбленный и не желавший подвергаться случайностям, Ликург решил покинуть родину, отклонить от себя подозрения и пробыть в путешествии до тех пор, пока его племянник подрастет и будет иметь наследника.

IV. УЕХАВ, он прежде всего посетил Крит. Изучая его государственное устройство и беседуя с самыми известными из граждан, он хвалил некоторые из их законов и обращал на них внимание, чтобы перенести их и ввести в употребление у себя в отечестве, но некоторые не считал заслуживающими этого. Он очаровал своим любезным и дружеским обращением и уговорил переселиться в Спарту одного из уважаемых за свой ум и государственную мудрость островитянина – Фалета. Он слыл лирическим поэтом, на деле же преследовал те же цели, и лучшие из законодателей. В своих стихотворениях он желал пробудить любовь к порядку и согласию. Их мелодия притом много способствовала установлению порядка и прекращению раздоров. Слушавшие их незаметно для себя смягчали свои нравы; в их сердца глубоко западало стремление к прекрасному взамен царившей до этого между ними вражды, так что этот человек в известной степени указал Ликургу путь для воспитания его народа.

Из Крита Ликург поплыл к берегам Азии. Он желал, говорят, сравнить простоту и суровость образа жизни критян с роскошью и изнеженностью ионийцев – как врач сравнивает хилое и болезненное тело со здоровым – и таким образом увидеть разницу между их образом жизни и государственным устройством. Здесь он, вероятно, в первый раз узнал о существовании поэм Гомера, которые хранились у потомков Креофила. Он заметил, что между местами, чтение которых может доставить удовольствие, приятное развлечение, есть такие, которые заслуживают не меньшего внимания благодаря заключающимся в них правилам политики и нравственности, поэтому охотно списал их и собрал, чтобы привезти домой. Об этих поэмах греки имели уже смутные представления. У небольшого числа лиц были отрывки из них, между тем как

сами поэмы переходили из уст в уста в не имевших между собою связи отрывках. Ликург был первым, кому мы обязаны знакомству с ними в их полном виде.

Египтяне уверяют, что Ликург был и у них и что ему в особенности понравились существовавшие там обособленные касты воинов, вследствие чего он ввел то же и в Спарте и, образовав отдельное сословие ремесленников и мастеровых, явился основателем класса настоящих, чистых граждан. С египтянами согласны и некоторые греческие писатели; но, насколько мне известно, только один спартанец, Аристократ, сын Гиппарха, утверждает, что Ликург был на севере Африки и в Испании, а также что он путешествовал по Индии, где будто бы разговаривал с гимнософистами.

V. МЕЖДУ тем спартанцы жалели об отъезде Ликурга и не раз приглашали его вернуться. Они говорили, что их нынешние цари отличаются от подданных только титулом и тем почетом, которым они окружены, в то время как он создан для того, чтобы властвовать и оказывать на других нравственное влияние. Впрочем, и сами цари были не против его возвращения: они надеялись с его помощью сдержать наглость толпы. Он вернулся и немедленно приступил к преобразованию существующего порядка, к коренным реформам государственного устройства, – по его мнению, отдельные законы не могли иметь ни успеха, ни пользы; как у человека больного, страдающего притом различными болезнями, следует совершенно выгнать болезнь смесью лекарств со слабительным и предписать ему новый образ жизни.

С этой целью он прежде всего отправился в Дельфы. Принесши богу жертву, он спросил его и вернулся домой с тем известным оракулом, где пифия назвала его «любимцем богов» и скорее «богом, нежели человеком». Когда он просил дать ему «лучшие» законы, она отвечала, что бог обещает ему, что лучше его законов не будет иметь ни одно государство.

Этот ответ ободрил его, и он обратился к самым влиятельным гражданам с просьбой оказать ему поддержку. Но прежде всего он открылся своим друзьям, затем постепенно привлек на свою сторону еще большее число граждан и склонил их принять участие в его планах. Выбрав удобное время, он приказал тридцати аристократам явиться вооруженными утром на площадь, желая напугать, навести страх на своих противников, если бы такие оказались. Гермипп сохранил имена двадцати самых знатных из них; но самым ревностным помощником Ликурга в деле составления новых законов был Артмиад. В самом начале этой суматохи царь Харилай убежал в храм Афины Меднодомной – он испугался, что все случившееся является заговором против него, но затем склонился на увещевания, взял с граждан клятву, вышел и принял участие в преобразованиях. Он был слабохарактерен. Говорят, например, другой его товарищ по престолу, Архелай, сказал хвалившим молодого царя: «Разве Харилая можно назвать дурным человеком, если он не сердится даже на негодяев?»

Из многих преобразований, введенных Ликургом, первым и самым важным было учреждение им Совета старейшин (герусии), который, сдерживая в известных границах царскую власть и в то же время пользуясь одинаковым с нею числом голосов при решении важнейших вопросов, служил, по выражению Платона, и якорем спасения, и доставлял государству внутренний мир. До сих пор оно не имело под собою прочной почвы, – то усиливалась власть царя, переходившая в деспотизм, то власть народа в форме демократии. Власть старейшин (геронтов) была поставлена в середине и как бы уравнивала их, обеспечивая полный порядок и его прочность. Двадцать восемь старейшин становились на сторону царя во всех тех случаях, когда следовало дать отпор демократическим стремлениям. С другой стороны, они в случае необходимости оказывали поддержку народу в его борьбе с деспотизмом. По словам Аристотеля, число старейшин было такое потому, что из прежних тридцати сообщников Ликурга двое отказались участвовать в его предприятии из страха. Сфер, напротив, говорит, что число сообщников Ликурга было то же, что сначала, – быть может потому, что число это четное, получаемое от умножения семи на четыре, и так же, как и шесть, равно сумме своих дели-

телей. На мой же взгляд, старейшин было столько для того, чтобы вместе с двумя царями их было в общем тридцать человек.

VI. ЛИКУРГ считал это учреждение настолько важным, что послал в Дельфы спросить о нем оракула и получил от него следующий ответ, так называемую «ретру»: «Выстрой храм Зевсу-Гелланию и Афине-Геллании, раздели народ на филы и обы, учреди совет из тридцати членов вместе с вождями, и пусть время от времени народ собирается между Бабиной и Кнакионом. Предлагать законы и собирать голоса должен ты, окончательное же решение должно принадлежать народу». Учредить «филы» и «обы» – значит разделить народ на мелкие единицы, которые оракул назвал «филами», другие – «обами». Под вождями следует понимать царей. «Созывать Народное собрание» выражено словом «апелладзейн» – по мнению Ликурга, первым внушил ему мысль издать законы Аполлон Дельфийский. Бабица и Кнакион называются в настоящее время Энунтом. Аристотель говорит, что Кнакион – река, Бабица – мост. Между двумя этими пунктами происходили в Спарте Народные собрания. Ни портика, ни другого какого-либо здания там не было: по мнению Ликурга, это не только не делало присутствующих умнее, но даже вредило им, давая им повод болтать, хвастаться и развлекаться пустяками, когда они во время Народного собрания станут любоваться статуями, картинами, театральными портиками или роскошно украшенным потолком здания Совета. В Народных собраниях никто не имел права высказывать своего мнения. Народ мог только принимать или отвергать предложения геронтов и царей. Впоследствии, когда народ стал искажать, извращать предложения, вносившиеся на его обсуждение, сокращая или дополняя их, цари Полидор и Теопомп в прежней ретре сделали следующую прибавку: «Если народ постановит дурно, царям и старейшинам уйти», другими словами, они не должны были утверждать его решений, а вообще распустить собрание, объявить закрытым, так как оно приносило вред, искажая и извращая их предложения. Им даже удалось убедить граждан, что так приказал оракул. Об этом говорит следующее место из Тиртея:

Те, кто в пещере Пифона слышали Феба реченье,
Мудрое слово богов в дом свой родной принесли:
Пусть в Совете цари, которых боги почтили,
Первыми будут; пускай милую Спарту хранят
С ними советники-старцы, за ними – мужи из народа,
Те, что должны отвечать речью прямой на вопрос.

VII. НЕСМОТРЯ на то, что Ликург не передал государственной власти в одни руки, олигархия в чистом ее виде все еще продолжала заявлять о себе, поэтому его преемники, замечая, что она переступает предел возможного и становится невыносимой, учредили для обуздания ее, как выражается Платон, должность эфоров. Первыми эфорами при царе Теопомпе были Элат и его товарищи, что имело место спустя около ста тридцати лет после Ликурга. Говорят, жена Теопомпа упрекала его за то, что он передает своим детям меньшую власть, чем он получил сам. «Да, меньшую, – отвечал царь, – зато более прочную». Действительно, потеряв то, что для них было лишним, спартанские цари избегли зависти, грозившей им опасностью. Им не пришлось испытать того, что пришлось испытать царям мессенским и аргосским со стороны их подданных, когда они не пожелали поступиться чем-либо из своих прав в пользу демократии. Ум и прозорливость Ликурга делаются вполне понятными тогда только, если обратить внимание на те смуты и ссоры, которые происходили у единоплеменников и соседей спартанцев – мессенцев и аргосцев. Им достались сначала по жребью даже лучшие участки в сравнении со спартанцами; но счастье их продолжалось недолго. Своеволие царей и неповиновение народа положили конец существовавшему порядку вещей и дали возможность убедиться, что законо-

датель спартанцев, поставивший каждой власти свои пределы, был для них истинным даром неба, ниспосланным для их счастья. Но об этом речь впереди.

VIII. ВТОРЫМ из преобразований Ликурга, и самым смелым из них, было деление им земель. Неравенство состояний было ужасное: масса нищих и бедняков угрожали опасностью государству, между тем как богатство было в руках немногих. Желая уничтожить гордость, зависть, преступления, роскошь и две самые старые и опасные болезни государственного тела – богатство и бедность, он убедил сограждан отказаться от владения землею в пользу государства, сделать новый ее раздел и жить всем на равных условиях, так чтобы никто не был выше другого, – отдавая пальму первенства одним нравственным качествам. Неравенство, различие одного от другого должно было выражаться только в порицании за дурное и похвале за хорошее. Приводя свой план в исполнение, он разделил всю остальную Лаконию на тридцать тысяч земельных участков для жителей окрестностей Спарты, периеков и на девять тысяч – округ самой Спарты: столько именно было спартанцев, получивших земельный надел. Некоторые говорят, что Ликург выделил только шесть тысяч участков и что три тысячи остальных прибавлены позже Полидором, другие же – что из девяти тысяч участков половину роздал он, половину – Ликург. Каждый участок мог давать ежегодно семьдесят медимнов ячменя для мужчины и двенадцать – для женщины, кроме того, некоторое количество вина и масла, чего, по мнению Ликурга, было достаточно, чтобы прожить не боля, в добром здоровье, и не нуждаясь ни в чем другом. Говорят, когда он возвращался потом домой и проходил по Лаконии, где только что кончилась жатва, он увидел ряды снопов одинаковой величины и сказал с улыбкой, обращаясь к своим спутникам, что вся Лакония кажется ему наследством, которое только разделили поровну многие братья.

IX. ЧТОБЫ окончательно уничтожить всякое неравенство и несоразмерность, он желал разделить движимое имущество, но, видя, что собственнику будет тяжело лишиться своей собственности прямо, пошел окольным путем и сумел обмануть своими распоряжениями корыстолюбивых людей. Прежде всего он изъял из обращения всю золотую и серебряную монету, приказав употреблять одну железную, но и она была так тяжела, так массивна при малой своей стоимости, что для сбережения дома десяти мин нужно было строить большую кладовую и перевозить их на телеге. Благодаря такой монете в Лаконии исчезло много преступлений: кто решился бы воровать, брать взятку, отнимать деньги другого или грабить, раз нельзя было скрыть своей добычи, которая к тому же не представляла ничего завидного и которая даже разбитою в куски не годилась ни на что? Говорят, Ликург велел опускать раскаленное железо в уксус. Этим он лишал его твердости, делал ни на что не годным, бесполезным по своей хрупкости для выделки из него каких-либо вещей. Затем Ликург изгнал из Спарты все бесполезные, лишние ремесла. Впрочем, если б даже он не изгонял их, большая часть из них все равно исчезла бы сама собою вместе с введением новой монеты, так как их вещи не нашли бы себе сбыта, – железные деньги не ходили в других греческих государствах; за них ничего не давали и смеялись над ними, вследствие чего на них нельзя было купить себе ни заграничных товаров, ни предметов роскоши. По той же причине чужеземные корабли не заходили в спартанские гавани. В Спарту не являлись ни ораторы, ни содержатели гетер, ни мастера золотых или серебряных дел – там не было денег. Таким образом, роскошь, не имея больше того, что могло поддерживать ее, давать ей средства к существованию, постепенно исчезла сама собой. Богач не имел никакого преимущества перед бедным, так как богатством нельзя было похвастаться публично, – его следовало хранить дома, где оно было мертвым грузом. Поэтому все предметы первой необходимости – кровати, стулья, столы – спартанской работы считались значительно лучше других. В особенности славился спартанский котон, очень удобный, как говорит Критий, в походе, так как из него приходилось пить по необходимости иногда воду, – он скрывал ее неприятный цвет, а так как вогнутые края задерживали грязь, то вода, которую приходилось пить, была чистой. За все это следует благодарить законодателя. Ремесленники, работавшие

прежде предметы роскоши, должны были употреблять с тех пор свой талант на изготовление предметов первой необходимости.

Х. С ЦЕЛЬЮ еще более стеснить роскошь и окончательно уничтожить чувство корысти Ликург установил третье, во всех отношениях прекрасное учреждение, совместные трапезы, сисситии, – для того, чтобы граждане сходились обедать за общий стол и ели мясные или мучные кушанья, предписанные законом. Они не имели права обедать дома, развалившись на дорогих ложах за дорогими столами, они не должны были заставлять своих отличных поваров откармливать себя в темноте, как прожорливых животных, вредя этим и душе, и телу, предаваясь всякого рода порочным наклонностям и излишествам, долгому сну, беря теплые ванны, ничего решительно не делая, словом, нуждаясь ежедневно в уходе, как больные. Одно это было важно, но еще важнее было то, что богатство, выражаясь словами Теофраста, не было ни на что годно, было не богатством – вследствие учреждения общего стола и простой пищи. Им нельзя было пользоваться, оно не могло доставлять чувства радости, словом, нельзя было ни показать множества своей драгоценной посуды, ни похвастаться ею, раз бедняк шел на один обед с богачом. Вот почему в целом мире в одной Спарте находила себе подтверждение пословица, что «бог богатства слеп и лежит без жизни и движения», как на картине. Точно так же запрещено было являться на сисситии сытыми, пообедав дома. Остальные присутствующие строго наблюдали за тем, кто не пил и не ел вместе с другими, и обзывали неженкой спартанца, которому общий стол казался грубым.

XI. ГОВОРЯТ, этот обычай главным образом и восстановил против Ликурга богатых. Они окружили его толпой и стали громко ругать. Наконец, многие из них начали кидать на него камни, вследствие чего ему пришлось бежать с площади. Он опередил своих преследователей и скрылся в храме. Только один молодой человек, Алкандр, не глупый, но горячий и вспыльчивый, гнался за ним не отставая и, когда Ликург обернулся, ударил его палкой и вышиб ему глаз. Этот несчастный случай не заставил Ликурга пасть духом – он обернулся и показал гражданам свое окровавленное лицо и изуродованный глаз. При виде этого их охватило чувство глубокого стыда и смущения, и они выдали Алкандра Ликургу, которого проводили до самого дома, выражая ему чувства соболезнования. Ликург поблагодарил их и простился с ними, Алкандра же привел к себе домой. Он ему ничего не сделал, не сказал ничего дурного и только заставил его прислуживать вместо тех людей и рабов, которые служили обыкновенно ему. Молодой человек, оказавшийся не лишенным благородного чувства, молча исполнял даваемые ему приказания. Находясь постоянно в обществе Ликурга, он видел, как тот кроток, видел, что его душа чужда страстей, видел его строгую жизнь, его горячую любовь к труду – и всей душой привязался к нему, причем говорил своим знакомым и друзьям, что Ликург несколько не суров или горд, – напротив, он единственный в своем роде человек, который так ласков и снисходителен в отношении к окружающим. Вот как наказан был Алкандр! Но это наказание сделало его из дурного, дерзкого молодого человека вполне приличным и рассудительным. . . В память своего несчастья Ликург построил храм Афине-Оптилетиде: спартанские дорийцы называют глаз – «оптинос». Некоторые, однако, между прочим Диоскорид, автор сочинения о государственном устройстве Спарты, говорит, что действительно Ликург был ранен, но не лишился глаза, напротив, выстроил богине храм в благодарность за исцеление. Как бы то ни было, но после этого печального случая спартанцы перестали ходить на Народные собрания с палками.

XII. СИССИТИИ называются на Крите «андриями», у спартанцев – «фидитиями», быть может потому, что участники их были дружны между собою и любили один другого, – значит, в данном случае «лямбда» заменена «дельтой» – или же вследствие того, что фидитии приучали к умеренности и бережливости. В то же время можно предположить, что первый слог этого слова, по мнению некоторых, – приставка и что следовало говорить, собственно, «эдитии», от слова «эдодэ» – пища.

За стол садилось всякий раз человек пятнадцать, иногда больше, иногда меньше. Каждый из сисситов приносил ежемесячно медимн ячменя, восемь хоев вина, пять мин сыру, две с половиной мины винных ягод и затем немного денег для покупки другой провизии. Кроме того, каждый принесший жертву посылал в сисситии лучшую ее часть. Охотники посылали также часть дичи. Кто опаздывал из-за жертвоприношения или охоты, мог обедать дома; но другие должны были быть налицо. Спартанцы долгое время свято держались обычая обедать вместе. Когда, например, царь Агид, вернувшийся из удачного похода против Аттики, хотел отобедать вместе с женою и послал за своею порцией, полемархи не отпустили ее. На следующий день рассерженный царь не принес назначенной по закону жертвы и должен был заплатить штраф.

На сисситии часто ходили и дети. Их водили туда, как в школу, для развития ума. Здесь они слушали разговоры о политике и видели перед собой наставников в лучшем смысле этого слова. Сами они учились шуткам и насмешкам, никогда не оскорбляя. Их и самих приучали переносить шутки, не обижаясь на других. Хладнокровно относиться к шуткам считалось большою честью для спартанца. Кто не желал, чтобы над ним смеялись, должен был попросить другого перестать, и насмешник переставал. Старший из сисситов показывал каждому новому посетителю на дверь и говорил: «За эту дверь не должно выйти ни одно слово!» Каждый желавший сделаться членом сисситии должен был, говорят, подвергнуться следующего рода испытанию. Всякий из сисситов брал в руку шарик из хлеба и молча кидал его, словно камешек при голосовании, в чашку, которую раб нес на голове и обходил присутствующих. Кто подавал голос за избрание, просто бросал шарик, но кто желал сказать «нет», – предварительно сильно сдавливал его в руке. Раздавленный шарик значил то же, что просверленный камешек при голосовании. Если таких находили хоть один, просившему о своем избрании отказывали в его просьбе, желая, чтобы все члены сисситии нравились друг другу. Кому отказывали в избрании, называли «каддированным», чашу, в которую бросают шарики, зовут «каддиком».

Самым любимым кушаньем сисситов была «черная похлебка», так что старики отказывались от мяса, отдавая свою долю молодым, а сами наливали себе свое кушанье, похлебку. Говорят, один понтийский царь купил даже спартанского повара исключительно для приготовления «черной похлебки», но, когда попробовал ее, рассердился. «Царь, – сказал повар, – прежде чем есть эту похлебку, нужно выкупаться в Эвроте!» Пили сисситы немного и без огня возвращались домой. Идти по улице с огнем им строго запрещалось, как в этом, так и в других случаях, для того чтобы они приучились ходить ночью смело, ничего не боясь. Вот каких порядков придерживались спартанцы в своих общих столах.

XIII. ЗАКОНЫ Ликурга не были писаными, в чем убеждает нас одна из его «ретр». Все, что, по его мнению, вполне необходимо и важно для счастья и нравственного совершенства граждан, должно войти в самые их нравы и образ жизни, чтобы остаться в них навсегда, сжиться с ними. Добрая воля в его глазах делала этот союз крепче, нежели принуждение, а эту волю образовывало в молодых людях воспитание, которое делало каждого из них законодателем. Что же касается мелочей, например денежных дел, – того, что изменяется, смотря по обстоятельствам, – он и их счел за лучшее не заключать в рамки писаных законов и неизменных правил, но дал право делать в них прибавления или убавления, смотря по обстоятельствам и мнению умных людей. Вообще все заботы его как законодателя были обращены на воспитание.

Одна из его «ретр», как сказано выше, запрещала иметь письменные законы, другая была направлена против роскоши. Крыша в каждом доме могла быть сделана только одним топором, двери – одной пилой; пользоваться другими инструментами запрещалось. Позже Эпаминонд, сидя за своим столом, сказал, говорят, что «за таким обедом не придет в голову мысль об измене», – Ликург первым понял, что в таком доме не может жить ни изнеженный, ни привыкший к роскоши человек. Действительно, ни в ком не может быть так мало вкуса и ума, чтобы он приказал, например, внести в простую хижину кровати с серебряными ножками,

пурпуровые ковры, золотые кубки и другие предметы роскоши. Напротив, каждый должен стараться о том, чтобы между его домом и кроватью, затем между кроватью и платьем, платьем и остальной обстановкою и хозяйством было соответствие, чтобы они отвечали одно другому. Этой привычкой и объясняется выражение Леотихида Старшего, который, любуясь за обедом в Коринфе роскошно отделанным штучным потолком, спросил хозяина, неужели у них растут деревья квадратной формы?

Известна также третья «ретра» Ликурга, где он запрещает вести войну с одними и теми же неприятелями, чтобы, привыкнув оказывать сопротивление, они не сделались воинственными. Позже за то именно всего больше и порицали царя Агесилая, что он своими частыми, неоднократными вторжениями и походами в Беотию сделал фиванцев достойными противниками Спарты. Поэтому, видя его раненым, Анталкид сказал: «Фиванцы прекрасно платят тебе за уроки. Они не хотели и не умели драться, но ты их выучил!» «Ретрами» Ликург назвал свои постановления для того, чтобы убедить всех, что они даны оракулом, являются его ответами.

XIV. СЧИТАЯ воспитание высшей и лучшей задачей для законодателя, он приступил к осуществлению своих планов издав и прежде всего обратил внимание на брак и рождение детей. Аристотель ошибается, говоря, что он желал дать разумное воспитание и женщинам, но отказался от этого, оказавшись не в состоянии бороться со слишком сильной волей, которую имели женщины, и их властью над мужьями. Последним приходилось из-за частых походов оставлять на их руки весь дом и на этом основании слушаться их, переходя всякую меру, и даже называть их «госпожами». Но Ликург оказал должное внимание и женскому полу. Девушки должны были для укрепления тела бегать, бороться, бросать диск, кидать копья, чтобы их будущие дети были крепки телом в самом чреве их здоровой матери, чтобы их развитие было правильным и чтобы сами матери могли разрешаться от бремени удачно и легко благодаря крепости своего тела. Он запретил им баловать себя, сидеть дома и вести изнеженный образ жизни. Они, как и мальчики, должны были являться во время торжественных процессий без платья и плясать и петь на некоторых праздниках в присутствии и на виду у молодых людей. Они имели право смеяться над кем угодно, ловко пользуясь его ошибкой, с другой стороны, прославлять в песнях тех, кто того заслуживал, и возбуждать в молодежи горячее соревнование и честолюбие. Кого они хвалили за его нравственные качества, кого прославляли девушки, тот уходил домой в восторге от похвал, зато насмешки, хотя бы и сказанные в шуточной, неоскорбительной форме, являлись для него так же больно, как строгий выговор, так как на праздниках вместе с простыми гражданами присутствовали цари и старейшины. В наготу девушек не было ничего неприличного. Они были по-прежнему стыдливы и далеки от соблазна, напротив, этим они приучались к простоте, заботам о своем теле. Кроме того, женщине внушался благородный образ мыслей, сознание, что и она может приобщиться к доблести и почету. Вот почему они могли говорить и думать так, как то рассказывают о жене Леонида, Горго. Одна женщина, вероятно иностранка, сказала ей: «Одни вы, спартанки, делаете что хотите со своими мужьями». «Но ведь одни мы и рожаем мужей», – отвечала царица.

XV. УЖЕ ВСЕ ТО, о чем мы говорили до сих пор, служило побудительною причиною к браку, – я имею в виду торжественные шествия девушек, их наготу, их упражнения в борьбе перед глазами молодых людей, которые шли сюда не с «геометрическими», а с «любовными» целями, выражаясь языком Платона, – но холостяки подвергались, кроме того, некоторого рода позору. Они не имели права присутствовать при празднике гимнопедий. Зимой они по приказу властей обходили голыми городской рынок и, обходя его, пели сочиненную на их счет песню, где говорилось, что они наказаны совершенно справедливо за свое неповиновение законам. Наконец, им не оказывали уважения и услуг, которые молодые люди оказывали старшим. Вот почему никто не отнесся с порицанием к тем словам, которые были сказаны Деркеллиду, хотя он был знаменитым полководцем. Один молодой человек, не встав при его входе, сказал: «У тебя нет сына, который мог бы впоследствии встать передо мною!..»

Невест похищали, но не таких, которые были еще малы или слишком молоды для брачной жизни, а вполне зрелых и развившихся. Похищенная отдавалась на руки подруги невесты.

Внеся в отношения супругов скромность и порядок, Ликург изгнал такими же решительными мерами и глупую женскую ревность.

Обычаи, находившиеся в полном соответствии требований природы с требованиями государственной жизни, имели тогда так мало общего с тою легкостью, которую мы встречаем позже в поведении спартанцев, что случаи прелюбодеяния никогда не встречались у них. Известен ответ спартанца Герада, имевший место очень давно. Иностранец спросил его, как они наказывают за прелюбодеяние.

– Друг мой, – отвечал спартанец, – прелюбодеяние неизвестно у нас.

– Ну а если кто-нибудь окажется виновным в нем? – продолжал спрашивать тот.

– Он должен дать в виде штрафа огромного быка, который мог бы протянуть шею с вершины Тайгета, чтобы напиться воды в Эвроте, – отвечал Герад.

– Да разве бывают такие огромные быки? – спросил удивленный иностранец.

– А разве можно найти в Спарте прелюбодея? – со смехом отвечал ему Герад.

Вот что известно о спартанских браках.

XVI. ВОСПИТАНИЕ ребенка не зависело от воли отца, – он приносил его в «лесху», место, где сидели старшие члены филы, которые осматривали ребенка. Если он оказывался крепким и здоровым, его отдавали кормить отцу, выделив ему при этом один из девяти земельных участков, но слабых и уродливых детей кидали в «апотеты», пропасть возле Тайгета. В их глазах жизнь новорожденного была так же бесполезна ему самому, как и государству, если он был слаб, хил телом при самом рождении, вследствие чего женщины для испытания здоровья новорожденного мыли его не в воде, а в вине, – говорят, эпилептики и вообще болезненные дети от крепкого вина погибают, здоровые же становятся от него еще более крепкими и сильными. Кормилицы ходили за ними очень внимательно и прекрасно знали свое дело. Они не пеленали детей, давали полную свободу их членам и всему вообще телу, приучали их не есть много, не быть разборчивыми в пище, не бояться в темноте или не пугаться, оставшись одни, не капризничать и не плакать. На этом основании даже иностранцы выписывали для своих детей спартанских кормилиц. Говорят, кормилица афинянина Алкивиада была спартанка Амикла. Впоследствии Перикл, по словам Платона, дал ему в воспитатели раба Зопира, который ни в чем не отличался от других рабов, тогда как воспитание спартанских детей Ликург не поручал ни купленным, ни нанятым за деньги воспитателям. Точно так же он не позволял отцам давать сыну такое воспитание, какое они считали нужным. Все дети, которым только исполнилось семь лет, собирались вместе и делились на отряды, «агелы». Они жили и ели вместе и приучались играть и проводить время друг с другом. Начальником «агелы» становился тот, кто оказывался понятливее других и более смелым в гимнастических упражнениях. Остальным следовало брать с него пример, исполнять его приказания и беспрекословно подвергаться от него наказанию, так что школа эта была школой послушания. Старики смотрели за играми детей и нередко нарочно доводили до драки, ссорили их, причем прекрасно узнавали характер каждого – храбр ли он и не побежит ли с поля битвы. Чтению и письму они учились, но по необходимости, остальное же их воспитание преследовало одну цель: беспрекословное послушание, выносливость и науку побеждать. С летами их воспитание становилось суровее: им наголо стригли волосы, приучали ходить босыми и играть вместе, обыкновенно без одежды. На тринадцатом году они снимали с себя хитон и получали на год по одному плащу. Их кожа была загорелой и грубой. Они не брали теплых ванн и никогда не умащались; только несколько дней в году позволялась им эта роскошь. Спали они вместе по «илам», отделениям и «агелам» на постелях, сделанных из тростника, который собирали на берегах Эвроты, причем рвали его руками, без помощи ножа. Зимой клалась под низ подстилка из «ежовой ноги». Это растение примешивалось и в постели, так как считалось согревающим.

XVII. В ЭТОМ возрасте начинают являться у наиболее достойных юношей так называемые «поклонники». Старики обращали на них больше внимания, чаще ходили в их школы для гимнастических упражнений, смотрели, если они дрались или смеялись один над другим, причем делали это не мимоходом, – все они считали себя отцами, учителями и наставниками молодых людей, так что провинившийся молодой человек не мог нигде ни на минуту укрыться от выговора или наказания. Кроме того, к ним приставлялся еще другой воспитатель, «педоном», из числа лучших, достойнейших граждан, сами же они выбирали из каждой агелы всегда самого умного и смелого в так называемые ирены. Иренами назывались те, кто уже более года вышел из детского возраста. Меллиренами, т. е. будущими иренами, называли самых старших из мальчиков. Двадцатилетний ирен начальствовал своими подчиненными в примерных сражениях и распоряжался приготовлениями к обеду. Взрослым они приказывали собирать дрова, маленьким – овощи. Все, что они ни приносили, было ворованным. Одни отправлялись для этого в сады, другие прокрадывались в сисситии, стараясь вполне выказать свою хитрость и осторожность. Попадавшегося без пощады били плетью как плохого, неловкого вора. Если представлялся случай, они крали и кушанья, причем учились нападать на спавших и на плохих сторожей. Кого ловили в воровстве, того били и заставляли голодать: пища спартанцев была очень скудной, для того чтобы заставить их собственными силами бороться с лишениями и сделать из них людей смелых и хитрых. Из-за этого им главным образом и давали мало есть. Но кроме того, им желали дать высокий рост: когда жизненный дух не находится долго на одном месте и в бездействии, большое количество пищи давит его и заставляет уходить в глубину и ширину; если же, наоборот, он благодаря своей легкости может уйти наверх, тело растет свободно, без принуждения. Этим можно, кажется, объяснить и красоту: тело тонкое и худощавое, скорее, уступает росту, между тем как толстое, упитанное оказывает ему сопротивление своею тяжестью. Потому-то, без сомнения, дети, родившиеся от матерей, принимавших во время беременности слабительное, бывают худощавы, но красивы и стройны. Жизненная материя может в данном случае по своей легкости быть скорей побеждена творящею силой. Исследовать это явление ближе я предоставляю другим.

XVIII. ДЕТИ старались как можно тщательнее скрыть свое воровство. Так, один из них, рассказывают, украл лисенка и спрятал его у себя под плащом. Зверь распорол ему когтями и зубами живот; но, не желая выдать себя, мальчик крепился, пока не умер на месте. Судя по нынешним молодым спартанцам, в этом нет ничего невероятного: на моих глазах многие из них умирали во время бичевания на алтаре Артемиды-Ортии.

После обеда ирен, не выходя из-за стола, приказывал одному из детей петь, другому задавал какой-нибудь вопрос, на который ответить можно было не сразу, например: какой человек самый лучший? Или: что следует думать о том или другом поступке? Таким образом, их с малых лет приучали отличать хорошее от дурного и судить о поведении граждан, потому что тот, кто терялся при вопросах «Кто хороший гражданин?» или «Кто не заслуживает уважения?» считался умственно неразвитым и неспособным совершенствоваться нравственно. В ответе должна была заключаться и причина, и доказательство, но в краткой, сжатой форме. У отвечавшего невнимательно ирен кусал в наказание большой палец. Ирен часто наказывал детей в присутствии стариков и властей, чтобы они могли видеть, за дело ли и правильно ли он наказывает их. Во время наказания ему не мешали; но, когда дети расходились, с него взыскивали, если он наказал строже, чем следовало, или если, напротив, поступил чересчур мягко и снисходительно.

«Поклонники» делили с их любимцами и честь, и стыд. Когда один мальчик закричал во время борьбы от страха, начальники наложили штраф на его «поклонника».

XIX. ДЕТЕЙ приучали, кроме того, выражаться колко, но в изящной форме и в немногих словах – многое. Ликург, как сказано выше, дал железной монете при ее огромном весе незначительную ценность; совершенно иначе поступил он с «монетой слов», – он хотел, чтобы

немного простых слов заключали в себе много глубокого смысла. Заставляя детей подолгу молчать, он приучал их давать меткие, глубокомысленные ответы; не знающая меры болтливость делает разговор пустым и глупым. Когда один афинянин стал смеяться над короткими спартанскими мечами и говорил, что фокусники легко проглатывают их на представлениях в театре, царь Агид сказал: «Это, однако, не мешает нам нашими короткими мечами доставать неприятелей». Мне кажется, и спартанская речь, несмотря на свою краткость, прекрасно достигает своей цели, если она производит глубокое впечатление на слушателей.

Лично Ликург, без сомнения, выражался кратко, отрывочно, судя по некоторым сохранившимся его фразам. Сюда, например, принадлежит его известное выражение относительно одной из форм правления. Когда кто-то стал требовать, чтобы он ввел в государстве демократию, он сказал: «Введи сперва демократию у себя в доме». На другой вопрос, зачем он приказал приносить такие маленькие и бедные жертвы, он отвечал: «Затем, чтобы мы никогда не переставали чтить богов». Относительно состязаний в борьбе он заметил, что позволил лишь такие состязания, где его сограждане не должны поднимать рук. Рассказывают и о письменных его ответах подобного рода, данных им согражданам. Они спросили его: «Как можем мы не испытывать вторжений неприятелей?» Он отвечал: «Оставайтесь бедными и не желайте быть ни в чем больше соседа». В другой раз он выразился о стенах города таким образом: «Если город окружен людьми, не кирпичами, у него есть стены!» Нелегко отвергнуть подлинность этих и других его письменных ответов подобного характера, но нелегко и признать их подлинными.

XX. ЧТО СПАРТАНЦЫ ненавидели длинные речи, видно из их афоризмов. Когда, например, кто-то говорил довольно умно, но некстати, царь Леонид сказал ему: «Друг мой, ты говоришь дело, но не по делу». У племянника Ликурга, Харилая, спросили, отчего он издал так мало законов. «Оттого, – отвечал он, – что, кто мало говорит, тому не нужно много законов». Когда некоторые порицали философа Гекатея за то, что он за званым столом не сказал ни слова, Архидам заметил: «Кто умеет говорить, умеет и выбирать для этого время». Для доказательства того, что те колкости, о которых я говорил выше, имели в себе нечто изящное, приведу несколько примеров. Один негодяй надоел Демарату своими глупыми вопросами. Он то и дело спрашивал у него, кто лучше всех из спартанцев, и получил в ответ: «Кто всего менее похож на тебя». Некоторые восторгались беспристрастностью, справедливостью приговоров элидцев во время Олимпийских игр. «Что ж удивительного, если элидцы один день в четыре года умеют быть справедливыми», – сказал Агид. Один чужеземец, желая доказать Теопомпу свое расположение, сказал, что сограждане зовут его не иначе как «другом спартанцев», и получил в ответ: «Лучше было бы для тебя, мой милый, если бы тебя звали другом своих сограждан». Один афинский ритор назвал спартанцев «неучами». «Совершенно верно, – отвечал ему сын Павсания, Плистоанакт, – одни только мы из греков не научились от вас ничему дурному». У Архидама спросили, сколько всего спартанцев. Он ответил: «Достаточно, друг мой, чтобы прогнать трусов». Из самих острот спартанцев можно составить себе представление о тех правилах, которых они держались. Они приучались никогда не раскрывать рта без нужды и говорили только то, что заключало в себе мысль, заслуживающую внимания. Одного спартанца приглашали идти послушать человека, подражавшего соловьиному пенью. «Я слышал самого соловья», – отвечал он. Другой, прочитав следующую эпитафию:

Те, кто пожар тирании тушить попытались, погибли;
Медный Арес их настиг у селинунтских ворот, —

сказал: «За дело они и погибли – им следовало дать тирании сгореть дотла». Одному молодому спартанцу обещали подарить петухов, которые дрались, пока не умирали на месте. «Нет, – сказал он, – ты дай мне таких, которые убивают других в бою». Таковы были их крат-

кие, отрывочные ответы, и верно выразился тот, кто сказал, что быть спартанцем – значит заниматься скорей философией, нежели гимнастикой.

XXI. НА ХОРОВОЕ пение обращалось столько же внимания, как и на точность и ясность речи. В самих спартанских песнях было что-то воспламенявшее мужество, возбуждавшее порыв к действию и призывавшее на подвиги. Слова их были просты, безыскусны, но содержание серьезно и поучительно. То были большею частью хвалебные песни, прославлявшие павших за Спарту или порицавшие трусов, которые живут теперь «жалкими, несчастными». Некоторые из них призывали к смелым деяниям, другие хвалились прошлыми – смотря по возрасту детей. Нахожу не лишним привести для примера одну из таких песен. В праздник были три хора разных возрастов. Хор стариков начинал и пел:

Когда-то были мы могучи и сильны.

Им отвечал хор мужчин средних лет:

А мы сильны теперь – коль хочешь, испытай!

Третий хор, детский, пел:

Но скоро станем мы еще сильнее вас.

Вообще, если заняться внимательней спартанскими песнями, из которых некоторые сохранились еще до сих пор, затем вспомнить, что спартанцы шли на неприятеля под звуки флейт, мерным шагом, нельзя не согласиться с Терпандром и Пиндаром, которые видят тесную связь между храбростью спартанцев и музыкой в их войсках. Первый говорит о Спарте:

Юность здесь пышно цветет, царит здесь звонкая Муза,
Правда повсюду живет...

Второй:

Там старейшин советы;
Копья юных мужей в славный вступают бой,
Там хороводы ведут Муза и Красота.

Они оба рисуют нам спартанцев столько же воинственным, сколько любившим музыку народом. Спартанский поэт говорит:

Кифары звук мечу не станет уступать.

Точно так же перед сражением царь приносил жертву музам, для того, вероятно, чтобы воины вспомнили, чему их учили и о том, какой приговор ждет их со стороны составителей песен, чтобы они ни на минуту не забывали об этом, встретясь лицом к лицу с опасностью, и показали в битве подвиги, достойные прославления.

XXII. В ЭТО ВРЕМЯ воспитание молодых людей становилось уже не таким строгим – им позволяли ухаживать за своими волосами, украшать оружие и платье. Радовались, когда они, как кони, горделиво выступали и рвались в битву. За волосами они начинали следить тотчас же по вступлении их в юношеский возраст, но в особенности убирали они их в минуту опасности. Они мазали их маслом и заботливо расчесывали, помня выражение Ликурга, что

«волосы красивых делают красивее, безобразных – еще безобразнее». В походах гимнастические упражнения молодежи были не так трудны, да и жизнь ее в остальном была не так строга: с них спрашивали меньше отчета, поэтому они были единственным народом, для которого поход мог считаться отдыхом после военных упражнений.

Когда войско выстраивалось в боевом порядке в виду неприятеля, царь приносил в жертву козу и приказывал всем солдатам надевать венки, флейтистам же – играть «песнь в честь Костра». Сам он начинал военную песнь, под которую шли спартанцы. Величественное и в то же время грозное зрелище представляла эта линия людей, шедших в такт под звуки флейт. Их ряды были сомкнуты; ничье сердце не билось от страха; они шли навстречу опасности под звуки песен, спокойно и весело. Ни страх, ни чрезмерная горячность не могли, конечно, иметь места при таком настроении; они были спокойны, но вместе с тем воодушевлены надеждой и мужеством, веря в помощь божества. Царь шел на неприятеля в окружении воинов – победителей на играх.

Говорят, одному спартанцу предлагали на Олимпийских играх большую сумму с условием, чтобы он уступил честь победы. Он не принял ее и после трудной борьбы повалил своего соперника. «Что пользы тебе, спартанец, в твоей победе?» – спросили его. «В сражении я пойду с царем впереди войска», – отвечал он улыбаясь.

Одержав победу и обратив неприятеля в бегство, спартанцы преследовали его только на таком расстоянии, чтобы укрепить за собой победу бегством неприятелей, и затем немедленно возвращались. По их мнению, было низко, недостойно грека рубить и убивать разбитых и отступающих. Их обычай был не только благороден и великодушен, но и полезен, так как их враги, зная, что они убивают только сопротивляющихся и щадят сдающихся, считали выгоднее бежать, нежели оказывать сопротивление.

XXIII. СОФИСТ Гиппий рассказывает, что сам Ликург был очень воинствен и принимал участие во многих походах. Филостефан приписывает даже Ликургу деление конницы на «уламы». Согласно его делению, «улам» состоял из пятидесяти всадников, построенных четырехугольником. Напротив, Деметрий Фалерский думает, что Ликург не вел никаких войн и вводил свои преобразования во время мира. Действительно, мысль установить перемирие на все время Олимпийских игр может прийти на ум человеку, только мягкому и миролюбивому. Тем не менее, говорят, по словам Гермиппа, Ликург сначала не сблизился с Ифитом, не принимал участия в его планах. Но, когда однажды он приехал случайно в Олимпию и вздумал взглянуть на игры, он услышал за спиной чей-то голос, как будто человеческий, голос, который упрекал его, удивляясь, что он не позволяет своим согражданам принимать участие в празднестве. Он обернулся, но не увидел говорящего. Тогда он счел это знаком свыше и немедленно сошелся с Ифитом. Общими силами они придали празднеству более торжественный характер и сделали более прочным его существование.

XXIV. ВОСПИТАНИЕ продолжалось до зрелого возраста. Никто не имел права жить так, как он хотел, напротив, город походил на лагерь, где был установлен строго определенный образ жизни и занятия, которые имели в виду лишь благо всех. Вообще спартанцы считали себя принадлежащими не себе лично, но отечеству.

Если им не давалось других приказаний, они смотрели за детьми, учили их чему-либо полезному или же сами учились от стариков. Одно из предоставленных Ликургом своим согражданам преимуществ, которым можно было завидовать, состояло в том, что у них было много свободного времени, – заниматься ремеслами им было строго запрещено, копить же богатство, что сопряжено с массой труда и забот, им не было никакой надобности: богатству уже никто не завидовал и не обращал на него внимания. Землю обрабатывали им илоты, платившие определенный оброк. Один спартанец приехал в Афины как раз во время суда. Узнав, что кого-то осудили за праздность, и заметив, что он идет повесив голову в сопровождении печальных, грустных друзей, спартанец попросил окружающих показать ему человека, осуж-

денного «за любовь к свободе!». Так глубоко презирали спартанцы занятия ремеслом или имевшие целью наживу.

Вместе с деньгами исчезли в Спарте, конечно, и всякие тяжбы. Ни корысти, ни бедности там не стало больше места, вместо них явилось равное распределение достатка, простота же жизни имела своим следствием беззаботность. Танцы, пиры, обеды, охота, гимнастика, разговоры в Народных собраниях поглощали все их время, когда они не были в походе.

XXV. КОМУ НЕ было еще тридцати лет, те вовсе не ходили на рынок. Вместо них провизию закупали их родственники и ближайшие друзья. С другой стороны, и старшим было бы стыдно, если б они занимались исключительно этим делом, – большую часть дня им следовало проводить в гимназиях и «лесхах». Здесь они собирались для мирной беседы друг с другом. Ни о денежных, ни о торговых делах там никогда не шло речи – главным предметом их разговора была похвала хорошему поступку и порицание – дурному; но и это было облечено в шутивную, веселую форму и, не оскорбляя никого, служило к исправлению других и наставляло их. И сам Ликург не был воплощенною суровостью, напротив, если верить Сосибью, он посвятил известную статуэтку богу Смеха – он желал, чтобы во время обеда и подобного рода времяпрепровождения допускались шутки, как приправа к трудам и скудной пище. Вообще он приучал сограждан не желать и не уметь жить отдельно от других, напротив, они должны были, как пчелы, жить всегда вместе, собираться вокруг своего главы и вполне принадлежать отечеству, совершенно забывая о себе в минуты восторга и любви к славе. Такие мысли видны и в некоторых изречениях спартанцев.

Педарит не был избран в число трехсот человек царского конвоя, но пошел домой с сияющим лицом: он радовался, что «нашлось триста граждан лучше его...». Полистратид был отправлен вместе с другими в звании посла к полководцам царя персидского. Когда его товарищей спросили, явились ли они лично от себя или их прислало государство, он ответил: «Если наше поручение будет удачно – от имени государства, нет – по частному делу». Когда несколько участвовавших в сражении амфипольцев приехали в Спарту и посетили Аргилеониду, мать Брасида, она спросила их, пал ли Брасид смертью храбрых, достойною Спарты? Они стали осыпать героя похвалами и сказали, что в Спарте нет ему подобного. «Друзья мои, – сказала она, – не говорите этого: Брасид был мужествен, храбр; но в Спарте есть много людей лучше его...»

XXVI. ЧЛЕНАМИ герусии Ликург, как мы сказали выше, назначил сперва тех, кто принимал участие в его предприятии. Позже он сделал распоряжение, чтобы в случае смерти одного из них на его место избирался какой-либо из уважаемых граждан более шестидесяти лет от роду. В этом случае начиналось величайшее состязание в мире, состязание, где каждый бился до последних сил. Дело шло не о том, чтобы быть объявленным самым быстрым на бегу из быстрых, самым сильным из сильных, а лучшим и умнейшим между лучшими и умнейшими людьми. За свое нравственное превосходство победитель получал пожизненно в награду высшую, если можно так выразиться, власть в государстве, делался господином над жизнью и смертью, честью и бесчестьем, короче, надо всем, что стояло на первом плане. Выборы происходили следующим образом. Когда народ успевал собраться, выборные запирались в одной комнате соседнего дома, где не могли никого видеть, так же, как никому нельзя было видеть их. До них могли доноситься только крики собравшегося народа: как в этом случае, так и в других он решал избрание криком. Избираемые выходили не все сразу, но поодиночке, по жребию и шли молча через все собрание. У тех, кто сидел, запершись в комнате, были в руках дощечки для письма, на которых они отмечали только силу крика, не зная, к кому он относится. Они должны были записать лишь, как сильно кричали тому, кого выводили первым, вторым, третьим и т. д. Того, кому кричали чаще и сильнее, объявляли избранным. С венком на голове он шел в храм в толпе не только не завидовавшей ему и прославлявшей его молодежи, но и среди множества женщин, которые хвалили его в песнях и называли жизнь его счастливой.

Каждый из родственников приглашал его к обеду, говоря, что это – почетное угощение ему от имени города.

Затем он шел в сисситии, где ничто не нарушало своего обычного порядка. Единственное отступление состояло в том, что ему выдавалась вторая доля, которую он брал и прятал. Когда обед кончался, он подзывал к себе любимую свою родственницу, стоявшую у дверей столовой, и отдавал ей свою порцию, говоря при этом, что дает ей то, что сам получил в награду, причем женщину, которой было оказано такого рода отличие, друзья провожали домой.

XXVII. ПРЕКРАСНЫМИ во всех отношениях были и законы Ликурга относительно погребения покойников. Чтобы с корнем уничтожить суеверие, он прежде всего не запрещал хоронить умерших в черте города и ставить им памятники вблизи храмов, – он желал, чтобы молодежь с малых лет имела у себя перед глазами подобного рода картины, привыкала к ним; чтобы она не боялась смерти, не находила в ней ничего страшного, не считала бы себя оскверненной, прикоснувшись к трупу или перешагнув через могилу; во-вторых, приказал ничего не класть в могилу вместе с покойником. Его одевали в красный плащ и клали на листья маслины. Не было затем позволено надписывать на могиле имя усопшего, если только он не был павшим в битве воином или если умершая не была жрицей. Траур продолжался всего одиннадцать дней. На двенадцатый день следовало принести жертву Деметре и перестать плакать. У Ликурга ничто не было бесцельным, ничего не делалось без нужды – все его важнейшие распоряжения имели целью хвалить доброе и порицать дурное. Он наполнил город множеством образцов для подражания. С ними постоянно приходилось сталкиваться, вместе с ними росли, так что для каждого они служили путем и примером к достижению добродетели.

На этом основании Ликург не позволил уезжать из дому и путешествовать без определенной цели, перенимая чужие нравы и подражая образу жизни, лишенному порядка, и государственному устройству, не имеющему стройной системы. Мало того, он даже выселял иностранцев, если они приезжали в Спарту без всякой цели или жили в ней тайно, но не потому, как думает Фукидид, что боялся, как бы они не ввели у себя дома его государственное устройство или не научились чему-либо полезному, ведущему к нравственному совершенству, а просто потому, чтобы не сделались учителями порока. С новыми лицами входят, естественно, и новые речи, с новыми речами являются новые понятия, вследствие чего на сцену вступают, конечно, многие желания и стремления, не имеющие ничего общего с установившимся порядком правления. Поэтому Ликург считал нужным строже беречь родной город от внесения в него дурных нравов, нежели от занесения в него заразы извне.

XXVIII. ВО ВСЕМ, о чем мы до сих пор говорили, мы не видим ни одного следа несправедливости или себялюбия – того, за что некоторые порицают законы Ликурга, находя, что они способны воспитать людей храбрых, но несправедливых. Одна только криптия – если она действительно учреждена Ликургом, как говорит Аристотель, – могла дать повод, между прочим, Платону отозваться дурно как о государственном устройстве Ликурга, так и о его личности. Криптия состояла в следующем. Время от времени спартанское правительство посылало нескольких молодых людей, выделявшихся своими умственными способностями, за город без всякой цели. С ними не было ничего, кроме короткого меча и необходимых съестных припасов. Днем они скрывались, рассеявшись по тайным местам, и спали, ночью – выходили на дорогу и убивали попадавшихся им в руки илотов. Часто они бегали по полям и умерщвляли самых сильных и здоровых из них.

Фукидид, например, в своей «Истории Пелопоннесской войны» рассказывает, что спартанцы выбрали самых храбрых из илотов, надели им на голову венки, как бы желая отпустить их на волю, и стали водить из храма в храм. Вскоре все они, более двух тысяч, исчезли бесследно. Никто ни тогда, ни после не мог рассказать подробностей их смерти. Аристотель говорит даже, что и эфоры при вступлении в должность объявляют илотам войну, чтобы иметь возможность убивать их, не делаясь преступниками. Спартанцы обращались с ними всегда сурово

и жестоко. Между прочим, они заставляли их напиваться допьяна чистым вином и затем приводили к сисситам, чтобы показать молодежи, до чего может довести пьянство. Далее им приказывали петь неприличные песни и исполнять непристойные, безнравственные танцы, запрещая в то же время приличные. Вот почему, когда илотам, взятым в плен, спустя много лет, во время похода на Спарту фиванцев, приказали, говорят, петь песни Терпандра, Алкмана и спартамца Спендонта, они просили освободить их от этого, «так как этого не велят им их господа». Тот, кто говорит, что в Спарте свободные пользуются высшей мерой свободы, а рабы – рабы в полном смысле этого слова, хорошо понимает разницу между ними. Но мне кажется, такими бесчеловечными спартамцы сделались после, в особенности тогда, когда у них произошло страшное землетрясение, во время которого илоты восстали, говорят, вместе с мессенцами, вконец разорили страну и довели государство до края гибели. Я по крайней мере не решаюсь приписать установление такого ужасного обычая, как криптия, Ликургу, принимая во внимание мягкость его характера и справедливость во всем – качества, засвидетельствованные самим оракулом.

XXIX. КОГДА важнейшие из его законов успели войти в жизнь его сограждан, когда государство сделалось достаточно крепким и сильным, чтобы нести себя и самому стоять на ногах, Ликург, подобно богу, который, по словам Платона, обрадовался при виде первых движений созданного им мира, был восхищен, очарован красотой и величием созданных им законов, законов, ставших действительностью, вошедших в жизнь, и захотел, насколько может ум человека, сделать их бессмертными, незыблемыми в будущем. Итак, он созвал всех граждан на Народное собрание и сказал, что данное им государственное устройство во всех отношениях приведено в порядок и может служить к счастью и славе их города, но что самое важное, самое главное, он может открыть им тогда, когда спросит оракул. Они должны были хранить данные им законы, ничего не изменяя, строго держать их до его возвращения из Дельф. После своего приезда он обещал устроить все согласно воле оракула. Все согласились и просили его ехать. Тогда, взяв клятву с царей и старейшин, затем со всех граждан в том, что они будут твердо держаться существующего правления, пока он не вернется из Дельф, Ликург уехал в Дельфы. Войдя в храм и принеся богу жертву, он спросил его, хороши ли его законы и в достаточной ли мере служат к счастью и нравственному совершенствованию его сограждан. Оракул отвечал, что его законы прекрасны и что с его стороны государство его будет находиться на вершине славы, пока останется верным данному им государственному устройству. Он записал этот оракул и послал его в Спарту, сам же принес богу вторичную жертву, простился со своими друзьями и сыном и решил добровольно умереть, чтобы не освобождать своих сограждан от данной ими клятвы. Он был в таких годах, когда можно еще жить, но так же хорошо и умереть тем, кто не прочь, в особенности ему, чьи все желания были исполнены. Он уморил себя голодом в том убеждении, что и смерть общественного деятеля должна быть полезна государству и что самый конец его жизни должен быть не случайностью, а своего рода нравственным подвигом, что он совершил прекраснейшее дело, что кончина его будет достойным завершением его счастья и что смерть его будет стражем всего того высокого и прекрасного, которое он приобрел для сограждан своей жизнью, так как они поклялись держаться установленного им правления вплоть до его возвращения. Он не обманулся в своих надеждах. В продолжение пяти веков, пока Спарта оставалась верна законам Ликурга, она по своему строю и славе была первым государством в Греции. Из четырнадцати царей, от Ликурга до Агида, сына Архидама, ни один не сделал в них никаких перемен. Учреждение должности эфоров не только не ослабило государства, а, напротив, послужило его усилению. Казалось, эфорат был учрежден в интересах народа, на самом же деле он послужил усилению влияния аристократии.

XXX. В ЦАРСТВОВАНИЕ Агида проникли в Спарту в первый раз деньги, вместе же с деньгами вернулись в государство корыстолюбие и жажда богатства. Виной тому был Лисандр, который, не любя денег лично, сделал своих сограждан корыстолюбивыми и познакомил с рос-

кошью. Он привез домой золото и серебро и нанес смертельный удар законам Ликурга. Но пока они оставались по-прежнему в силе, можно было сказать, что Спарта жила жизнью не государства, а жизнью опытного и мудрого мужа или, верней, с одной скиталой и плащом предписывала законы охотно подчинившейся ей Греции, как Геракл, по представлению поэтов, с львиною шкурой и дубиной обходил весь мир. Как он наказывал незаконных и кровожадных тиранов, так и она низвергала в государствах неправильно поставленные власти и царей, была посредницей в войнах, усмиряла возмущения и в большинстве случаев не выставляя в поле ни одного солдата, а отправляя лишь посла, приказания которого все слушались немедленно, как слетаются и приводят все в порядок пчелы при появлении матки. Вот как полезно было государству его тогдашнее благоустройство и правила справедливости, которых оно держалось. Станным кажется мне после этого, что некоторые говорят, будто спартанцы умели повиноваться, но не повелевать, как, с другой стороны, я не понимаю, почему превозносят слова царя Теопомпа, который на чье-то замечание, что «Спарта держится потому, что ее цари умеют упрашивать», ответил: «Вернее потому, что ее граждане умеют повиноваться».

Мне кажется, никто не станет охотно подчиняться тому, кто не умеет повелевать, подчинению же учатся у царей, так как кто умеет вести, за тем и идут охотно. Укротить лошадь – значит сделать эту лошадь смиренной и послушной, точно так же задача царя – заставить его подданных повиноваться, спартанцы же сумели не только заставить другие народы повиноваться им, но и внушить им желание подчиняться именно спартанцам, предоставить себя в их распоряжение. Их послы просили у них не флота, не денег, не солдат, а только вождя-спартанца и, получив его, смотрели на него с уважением и страхом, как сицилийцы – на Гилиппа, халкидцы – на Брасида, все малоазиатские греки – на Лисандра, Калликратида и Агесилая. Таких лиц называли «гармостами», т. е. вводящими порядок, и «софронистами», т. е. наставниками всех народов и царей, и видели в Спарте в целом как бы воспитательницу или дающую советы честной жизни и разумного государственного правления. В этом смысле, мне кажется, смеется Стратоник в своем шутовском проекте государственного устройства, советуя афинянам справлять мистерии и устраивать торжественные процессии, элидцам – быть судьями на играх, к чему у них есть особенные способности, спартанцам же – пороть обоих, если они в чем-либо провинятся. Это было сказано в шутку; но ученик Сократа, Эсхин, видя, как хвастаются фиванцы своей победой при Левктрах, серьезно заметил, что они ничуть не отличаются от мальчишек, которые задирают нос, что им удалось отколотить своего дядьку...

XXXI. И ВСЕ ЖЕ Ликург не стремился главным образом к тому, чтобы поставить свое государство во главе других, напротив, он думал, что жизнь отдельного человека, как и жизнь государства, может быть счастливой только тогда, когда он чист нравственно и в мире с самим собою. Поэтому все его действия и поступки сводились к одной цели – чтобы его сограждане были как можно дольше свободны нравственно, довольны собою и благоразумны.

Его государственное устройство взял за основание и написавший свод законов для своего собственного государства Платон, так же, как Диоген, Зенон и вообще все занимавшиеся подобного рода вопросами и заслужившие себе похвалу, хотя они оставили после себя одни буквы и слова. Но Ликург не нуждался ни в буквах, ни в словах – он произвел на свет действительное и неподражаемое государственное устройство и в то время, как другие считают существование истинного философа чем-то идеальным, сделал из своих сограждан целый город философов. Его слава справедливо превышает славу всех когда-либо существовавших греческих законодателей, вследствие чего и Аристотель заметил, что «Ликурга в Спарте чтят меньше, чем он заслужил», хотя ему и оказывают здесь величайшие почести. Ему построили храм и ежегодно приносили жертву как богу. Говорят, когда его прах был привезен на родину, молния упала на его гроб, чего не случалось впоследствии ни с кем из великих людей, кроме Еврипида, скончавшегося и погребенного близ Аретузы, в Македонии. Это может оправдывать в глазах других – поклонников Еврипида и служить для них доказательством, что одному

ему выпало на долю то, что задолго до него случилось с самым любимым богами и святым по жизни человеком...

По рассказам некоторых, Ликург скончался в Кирре; но Аполлотемид говорит, что он умер в Элиде, Тимей и Аристоксен – что он кончил дни свои на Крите. Аристоксен рассказывает также, что критяне показывают его гробницу в пергамском округе, возле большой дороги. Говорят, у него был единственный сын, Антиор. Он не имел детей, и со смертью его угас его род. Друзья и близкие Ликурга заменили ему некоторым образом потомство, образовав кружок, существовавший долгое время. Дни, в которые он собирался, назывались «Ликурговыми днями». По словам Аристократа, сына Гиппарха, когда Ликург умер на Крите, его друзья сожгли его труп и, по его завещанию, бросили пепел в море: он боялся, что его останки перенесут в Спарту, вследствие чего спартанцы сочтут себя свободными от клятвы и сделают перемены в данном им государственном устройстве под предлогом того, что он вернулся на родину...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.